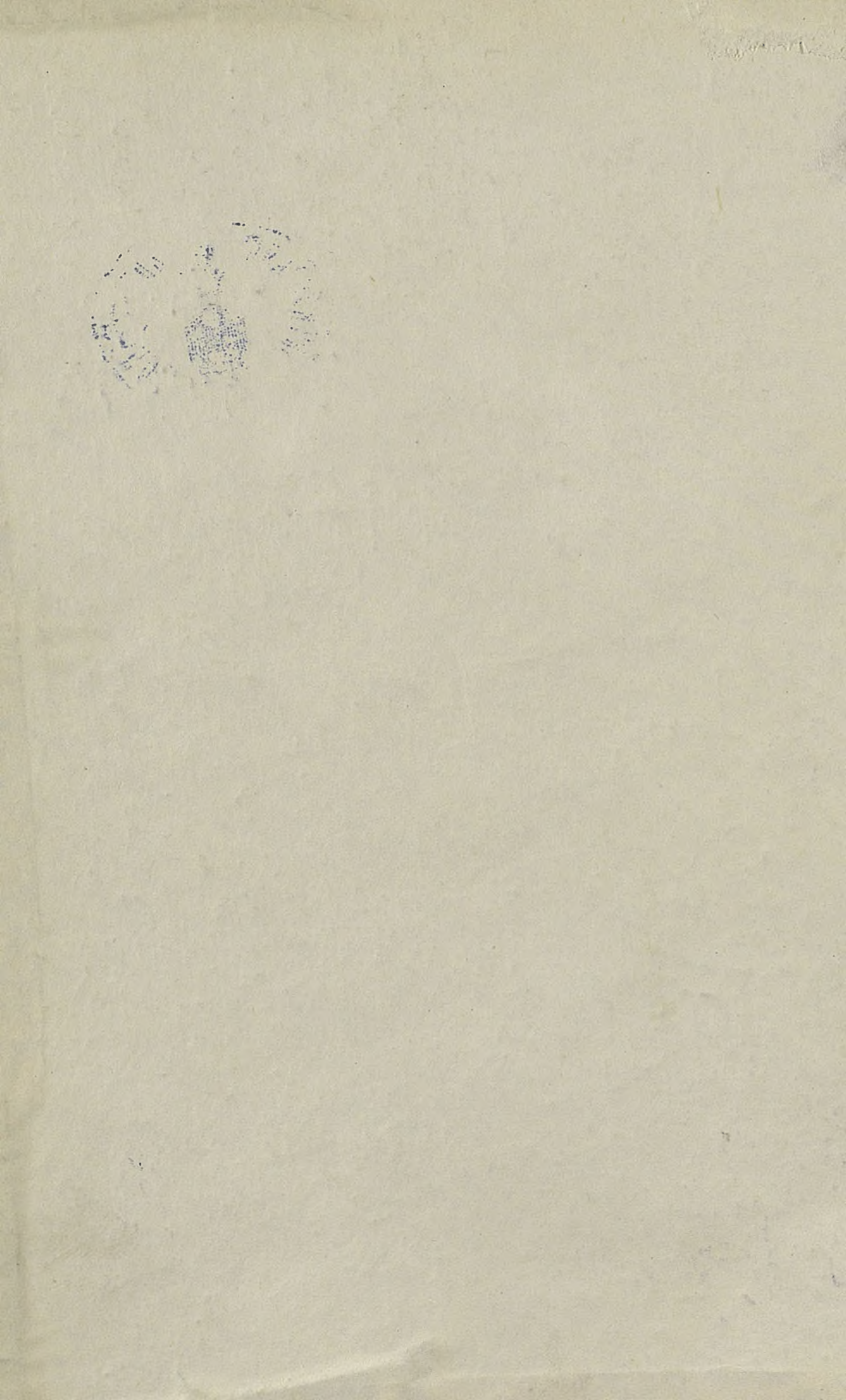

1904
N9-10'

Россія, Европа и человѣчество.

I.

Что такое Европа?

Удивляться ли тому, что этотъ вопросъ удивитъ многихъ?

— Одна изъ пяти частей свѣта, — отвѣтитъ любой школьникъ.

И при этомъ отвѣтѣ никто не засмѣется, хотя засмѣяться было бы не грѣхъ.

Почему же Европа часть свѣта? И почему частей свѣта пять?

Получить отвѣтъ на эти вопросы отъ нашей науки и даже отъ нашихъ учебниковъ уже далеко не такъ легко, „потому (вѣроятно),— говоритъ Н. Я. Данилевскій,—что понятіе это (о части свѣта) считается столь простымъ, что давать ему опредѣленіе можетъ показаться пустымъ и излишнимъ педантизмомъ. Такъ-ли это или нѣтъ,— намъ во всякомъ случаѣ надо доискаться этого опредѣленія; иначе мы не получимъ отвѣта на заданный вопросъ. Части свѣта составляютъ самое общее географическое дѣленіе всей суши на нашей планетѣ и противополагаются дѣленію жидкаго элемента на океаны. Искуственно или естественно это дѣленіе?

„Подъ естественнымъ дѣленіемъ или естественною системою разумѣется такая группировка предметовъ или явленій, при которой принимаются во вниманіе всѣ ихъ признаки, взвѣшивается относительное достоинство этихъ признаковъ—и предметы располагаются между прочимъ такъ, чтобы входящіе въ составъ какой-либо естественной группы имѣли между собою больше сродства, болѣе сплошную степень сходства, чѣмъ съ предметами другихъ группъ.

„Напротивъ, искусственная система довольствуется однимъ какимъ-либо или немногими признаками, почему-нибудь рѣзко замѣтными, хотя бы и вовсе несущественными. Въ этой системѣ можетъ раздѣляться самое сходное въ сущности и соединяться самое разнородное. Разсматривая съ этой точки зрѣнія части свѣта, мы сейчасъ-же придемъ къ заключенію, что это группы искусственныя.

„Въ самомъ дѣлѣ, южные полуострова Европы: Испанія, Италія, Турція (къ югу отъ Балкановъ)—имѣютъ несравненно болѣе сходства съ Малою Азіею, Закавказьемъ и сѣвернымъ прибрежьемъ Африки, нежели съ остальною Европою. Точно также Аравія имѣетъ гораздо болѣе сходства съ Африкой, чѣмъ съ Азіей; мысъ Доброй Надежды болѣе сходенъ съ материкомъ Новой Голландіи, чѣмъ съ центральной или сѣверною Африкой; полярныя страны Азіи, Европы и Америки имѣютъ между собою болѣе сходства, чѣмъ каждая изъ нихъ—съ лежащимъ къ югу отъ нихъ материкомъ и т. д.“.

„Дѣленіе это, очевидно, искусственное, при установленіи котораго принимались въ разсчетъ собственно граничныя очертанія воды и суши. И хотя различіе между водою и сушею весьма существенно не только въ примѣненіи къ нуждамъ человѣка, но и само по себѣ, однако-же воднымъ пространствомъ раздѣляются весьма часто такія части суши, которыя оставляютъ по всѣмъ естественнымъ признакамъ одно физическое цѣлое. И, наоборотъ, части совершенно разнородныя часто спаиваются материковою непрерывностью. Такъ, напримѣръ, Крымскій полуостровъ (окруженный со всѣхъ сторонъ водою, кромѣ узкаго Перекопскаго перешейка) не представляетъ однако однороднаго физическаго цѣлаго; спаянный съ крымскою степью южный берегъ составляетъ нѣчто, гораздо болѣе отъ нея отличное, чѣмъ крымская степь отъ прочихъ степей южной Россіи (совершенно однородныхъ съ первою, несмотря на то, что она почти совершенно отдѣлена отъ нихъ моремъ)“.

Части свѣта „въ сущности нечто иное, какъ огромные острова или полуострова (точнѣе бы было сказать *почти острова*, переводя это слово не съ нѣмецкаго, а съ французскаго). Это суть понятія болѣе или менѣе искусственныя и, въ этомъ качествѣ, не могутъ имѣть притязаній на какой-либо имъ исключительно свойственный характеръ. Когда мы говоримъ „азіатскій типъ“, то разумѣемъ собственно типъ, свойственный среднеазіатской, пересѣченной горными хребтами плоской возвышенности, подъ который вовсе не подходятъ ни индійскій, ни малоазіатскій, ни сибирскій, ни аравійскій, ни китайскій типы. Точно также, говоря о типѣ африканскомъ, мы имѣемъ въ виду собственно характеръ, свойственный сахарской степи, который никакъ не распространяется на мысъ Доброй Надежды, островъ Мадагаскаръ или прибрежье Средиземнаго моря, но къ которому, напротивъ того, весьма хорошо подходитъ типъ Аравіи. Собственно говоря, подобныя выраженія суть метафоры, которыми мы присваиваемъ цѣлому характеръ отдѣльной его части“.

II.

Но представленіе объ Европѣ, какъ о пятой части свѣта, не соотвѣтствуетъ основамъ даже той искусственной системы, которая создавалась на почвѣ отдѣленія суши отъ моря.

„Америка есть островъ; Австралія — островъ; Африка — почти островъ; Азія вмѣстѣ съ Европою будетъ тоже островомъ. Съ какой-же стати это цѣльное тѣло,—этотъ огромный кусокъ суши, какъ и прочіе куски, окруженный со всѣхъ или почти со всѣхъ сторонъ водою, — раздѣлять на двѣ части на основаніи совершенно иного принципа? Уральскій хребетъ занимаетъ около половины этой границы. Но какія-же онъ имѣетъ особыя качества для того, чтобы изъ всѣхъ хребтовъ земного шара, одному ему присваивать честь служить границею между двумя частями свѣта,—честь, которая во всѣхъ прочихъ случаяхъ признается только за океанами и рѣдко за морями? Хребетъ этотъ по вышинѣ своей—одинъ изъ ничтожнѣйшихъ, по переходимости—одинъ изъ удобнѣйшихъ; въ средней его части, около Екатеринбурга, переваливаютъ черезъ него, какъ черезъ знаменитую Алаунскую плоскую возвышенность и Валдайскія горы, спрашивая у ямщика: да гдѣ же, братецъ, горы? Если Уралъ отдѣляетъ двѣ части свѣта, то что же отдѣлять послѣ того Альпамъ, Кавказу или Гималаю? Ежели Уралъ обращаетъ Европу въ часть свѣта, то почему же не считать за часть свѣта Индію?“

„Но хребетъ Уральскій, по крайней мѣрѣ,—нѣчто. Далѣе честь служить границею двухъ міровъ падаетъ на рѣку Уралъ, которая—уже совершенное ничто. Узенькая рѣчка, при устьѣ въ четверть Невы шириною, съ совершенно одинаковыми по ту и по другую сторону берегами. Особенно извѣстно объ ней только то, что она очень рыбна. Но трудно понять, что общаго въ рыбности съ честью разграничивать двѣ части свѣта.

„Гдѣ нѣтъ дѣйствительной границы, тамъ можно выбрать ихъ тысячу. Такъ и тутъ. Обязанность служить границею Азіи съ Европой возлагалась вмѣсто Урала то на Волгу,—то на Волгу, Сарпу и Манычъ, то на Волгу съ Дономъ. Почему-же не на Западную Двину и Днѣпръ, какъ бы желали поляки, или на Вислу и Днѣстръ, какъ поляки бы не желали? Можно ухитриться и на Обь перенести границу.

„На это можно сказать только то, что настоящей границы нѣтъ. А, впрочемъ, какъ кому угодно: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ, ни въ четвертомъ, ни въ пятомъ — нѣтъ никакого основанія, но также нѣтъ никому никакой обиды. Говорятъ, что природа Европы имѣетъ свой отдѣльный, даже противоположный азіатскому

типъ. Да какъ же части разнороднаго цѣлаго и не имѣть своихъ особенностей? Развѣ у Индіи и Сибири одинаковой типъ? Вотъ еслибы Азія имѣла общій однородный характеръ, а изъ всѣхъ ея многочисленныхъ типовъ только Европы другой, отъ него отличный, тогда бы другое дѣло,—выраженіе имѣло бы смыслъ".

Представленіе объ отдѣльности и самобытности Европы имѣло опредѣленный смыслъ только для античнаго міра, который всѣ географическіе счеты начиналъ отъ извѣстнаго ему Средиземнаго моря. Все, что лежало къ сѣверу отъ этого моря, называлось Европой, къ югу—Африкой, къ востоку—Азіей. „Когда очертанія материковъ стали хорошо извѣстны, отдѣленіе Африки отъ Европы и Азіи дѣйствительно подтвердилось,—раздѣленіе же Азіи отъ Европы оказалось несостоятельнымъ. Но такова уже сила привычки, таково уваженіе къ издавна утвердившимся понятіямъ, что, дабы не нарушить ихъ, стали отыскивать разныя граничныя черты, вмѣсто того, чтобы отбросить оказавшееся несостоятельнымъ дѣленіе".

III.

Прежде, чѣмъ дѣлать выводы изъ этого несомнѣннаго географическаго факта, въ установленіи котораго никакой теоріи и доктрины нѣтъ, а поэтому, и тѣмъ паче, нѣтъ и никакой тенденціи, приглядимся къ этому своеобразному понятію о географической Европѣ поближе. По простотѣ и сравнительной несложности этого понятія на немъ замѣтнѣе и конкретнѣе отражаются черты той мнимой научности, которая особливымъ комизмомъ поражаетъ въ пониманіи и истолкованіи русской интеллигенціи, одинаково холопской какъ въ жизни, такъ и въ мышленіи.

Вспомнимъ уроки географіи въ нашей средней школѣ. Какъ старательно чертилъ на доскѣ учитель границу Европы и Азіи, съ какимъ самодовольнымъ педантизмомъ ограниченнаго невѣжества онъ старался придать условнымъ и только схематическимъ представленіямъ безусловное и реальное значеніе! И какъ гордились его ученики, вызубривъ это „послѣднее слово науки"! Гимназистъ, удержавшій въ памяти Уральскій хребетъ и рѣчку Уралъ, ставилъ самъ себя на недосягаемый пьедесталъ передъ „невѣжественною толпою" и съ лакейскимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на простой, „темный" народъ, не умѣющій отдѣлять Европу отъ Азіи.

А вѣдь на самомъ дѣлѣ тутъ не было и нѣтъ никакого *знанія*. Онъ узналъ и знаетъ что-то такое, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, что съ точки зрѣнія дѣйствительваго знанія является историческимъ хламомъ, для котораго въ дѣйствительной наукѣ нѣтъ никакого оправ-

данія. Это не *фактъ* дѣйствительности, а просто историческая повадка, остатокъ невѣжества и ограниченности кругозора—не только географическаго, но и логическаго. Это суевѣріе и предразсудокъ въ самомъ точномъ и строгомъ значеніи этого слова. Вооруженный такимъ знаніемъ интеллигентъ или полуинтеллигентъ будетъ истерически вопить о суевѣріяхъ и предразсудкахъ простого народа, въ простодушномъ невѣдѣніи того, что онъ самъ выросъ на мнимонаучныхъ суевѣріяхъ и предразсудкахъ, что они вгвоздились въ его мѣднолобую голову, проникли во всѣ частицы мозга и на вѣкъ отравили его мышленіе, убивъ въ немъ на школьной скамьѣ способность личной сообразительности и смекалки.

Отъ зубрежки такихъ сомнительныхъ истинъ пахнетъ трупомъ Это слишкомъ преждевременная, а поэтому и особенно опасная, проповѣдь якобы научной нелогичности или, проще сказать, глупости. Догматически, языкомъ и тономъ оракула, предносить, какъ нѣчто непререкаемое и постоянное, какъ строгій выводъ науки, явную нелѣпость—значитъ сознательно истреблять и искоренять молодое мышленіе, прививать къ нему рабскій инстинктъ слѣпой вѣры въ мертвый внѣшній авторитетъ будто-бы науки, пріучать къ пошлой вѣрѣ въ раздутыя слова, не давая мысли фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ объемѣ.

На это, быть можетъ, скажутъ, что географическія понятія—сущій пустякъ и голова, наполненная такими почтенными пустяками, много выигрываетъ въ западничествѣ и либерализмѣ и такимъ образомъ увѣнчивается ореоломъ модной интеллигентности. Но какъ для всего процесса, такъ и для всякой системы мышленія извращенность этого, даже чисто-географическаго понятія объ Европѣ на самомъ дѣлѣ имѣетъ огромное значеніе.

Уже не говоримъ о томъ, что такая халатность въ умной молодой головѣ возбуждаетъ инстинктивное недовѣріе къ наукѣ, которая во всей педантической полнотѣ своего авторитета проповѣдуетъ нѣчто, явно произвольное, почти явно лживое. Если бы это представленіе объ Европѣ давалось какъ особое, исключительно европейское мнѣніе, въ молодежи укрѣпилось бы сознаніе того, что и наука кадитъ иногда сильнымъ міра сего, поддѣлывается къ страстямъ, капризамъ и привычкамъ важныхъ господъ и съ лакейскою угодливостью идетъ на встрѣчу барскимъ прихотямъ. Европа, конечно, слишкомъ важная особа, чтобы ей жить въ какой-нибудь чужой части свѣта. Ей подавай свою собственную. И подаютъ, возвеличивъ рыбный Уралъ до степени Геркулесовыхъ Столбовъ.

Это отнюдь не понизило бы въ молодежи уваженія къ знанію и наукѣ, а только—и этому можно было бы порадоваться—подорвало

бы высокомѣрный, но по существу дѣла напускной авторитетъ нѣкоторыхъ учебниковъ и популярныхъ книжекъ, на скорую руку и не безъ крупныхъ ошибокъ списанныхъ съ западныхъ подлинниковъ.

Если посмотрѣть на дѣло серьезно и строго,—а иначе, конечно, и нельзя смотрѣть на дѣло школы и науки, — въ данномъ случаѣ сама „наука",—а именно за таковую ее выдаютъ и ее считаютъ,—является слѣпою, безсознательною. А безсознательность и наука, какъ геній и злодѣйство, „двѣ вещи несовмѣстныя". Проповѣдь же научной безсознательности въ школѣ—преступнѣе, безчеловѣчнѣе и опаснѣе подвиговъ инквизиціи и крутыхъ мѣръ Ромодановскаго и Шешковскаго. Тамъ мучили, увѣчили и замучивали взрослыхъ, здѣсь мучатъ, увѣчатъ и искореняютъ мышленіе дѣтей и юношей, на всю жизнь дѣлаютъ ихъ неспособными требовать отъ науки ума и честности и, хотя бы изрѣдка, пускать въ ходъ и свой собственный умъ.

Но это уродливое понятіе объ Европѣ, какъ части свѣта, для насъ имѣетъ еще и особенное значеніе, потому что предательски выдаетъ всѣ стратегическіе и тактическіе секреты понятій и представленій этого круга и того европейскаго высокомѣрія, которое свои претензіи и желанія ставитъ для обольщенныхъ и покоренныхъ западомъ рабовъ, какъ научный законъ.

И въ другихъ понятіяхъ этого круга, о человѣчествѣ, прогрессѣ, культурѣ, наукѣ и истинѣ,—тоже нѣтъ знанія, подъ ними тоже нѣтъ фактической почвы, они тоже условны и произвольны, это тоже метафоры, которыя *„цѣлому присвоиваютъ характеръ отдѣльной его части"*. Это тоже плодъ искусственныхъ системъ, преднамѣренно или непреднамѣренно составленныхъ въ томъ разсчетѣ, чтобы разъединить самое сходное по сущности и объединить самое разнородное. Они плодъ не безпристрастнаго изслѣдованія, а западнаго старовѣрства, которое охраняетъ не древлее благочестіе, а феодальные порядки, инстинкты насильственности и жажду всеміpнаго господства.

„Онъ намъ сказалъ,—говорилъ Гильфердингъ про Хомякова, — что мы, что Россія призваны къ всестороннему, живому, органическому построенію науки, ибо русскій народъ свободенъ отъ тѣхъ предразсудковъ и предубѣжденій, отъ той раздвоенности мысли, — наконецъ, отъ той гордости прошлымъ, которые обусловливаютъ односторонность взгляда у западныхъ народовъ".

Вотъ теперь эти слова Гильфердинга принимаютъ болѣе точный и опредѣленный смыслъ. Западъ внесъ въ свою науку много произвольнаго и условнаго, не подъ давленіемъ великой учености, а по прихоти и произвольному капризу. Этому плоду страстей и инстинктовъ мѣста въ наукѣ, конечно, давать нельзя.

Ищущая, движущаяся и развивающаяся логика германо-романской мысли въ началѣ XIX в. обошла весь свой кругъ и теперь ея мѣсто заняла высокомѣрная, насильственная и по своей насильственности неуживчивая, сварливая и деспотическая *психологія* германо-романскихъ народовъ, которая, по старой привычкѣ, рядится въ схоластическіе и метафизическіе, а часто прямо софистическіе покровы и которая съ понятнымъ и очень прозрачнымъ лицемѣріемъ постоянно твердитъ, будто бы она всегда и во всемъ покорна разуму, тогда какъ на самомъ дѣлѣ разумъ уже давно ея подневольный рабъ, который, при своей униженности и многолѣтней забитости, и пикнуть не посмѣетъ, если его расчетливой и экономной хозяйкѣ угодно будетъ признать „послѣднимъ словомъ науки“ ту нелѣпость, что по Уралъ одна часть свѣта, а за Ураломъ другая.

Въ томъ движеніи мысли, которое намѣчено именами Хомякова и Данилевскаго, не теоріи борются съ теоріями, а несомнѣнные строго провѣренные факты борются съ понятіями, въ которыхъ нѣтъ никакого реальнаго содержанія, которыя стремятся *цѣлому придать характеръ одной его части.*

И въ этомъ противоестественномъ, противонаучномъ, противологическомъ и противочеловѣческомъ стремленіи—часть поставить надъ цѣлымъ, въ части видѣть всю сущность и весь объемъ цѣлаго—на западѣ сказалась не постыдная лѣнь вялой и распущенной, рабски-безплодной мысли, какъ это сказалось въ смѣнѣ многихъ поколѣній русской интеллигенціи, но разумное, хотя и одностороннее, съ научной и логической точки зрѣнія, свидѣтельствующее объ ограниченности и явной тѣснотѣ взгляда, стремленіе—будучи частью, господствовать надъ цѣлымъ, чего логика и наука подсказать не могутъ, а можетъ подсказать только психологія.

И при этомъ обнаруживается одно удивительное свойство этихъ метафорическихъ, искусственныхъ и расползающихся понятій: какъ только сквозь мнимо-логическіе узоры проглянетъ ихъ реальное психологическое зерно, они становятся дѣтски-наивными и смѣшными. Россія, разрѣзанная на двѣ части въ интересахъ притязательной схоластической географіи,—граница двухъ частей свѣта, весело попрыгивающая отъ горъ къ морямъ и рѣкамъ по произволу любого акробата этой науки,—развѣ это не напоминаетъ фарса или оперетки?

Это, несомнѣнно, глубоко комическая черта въ мышленіи и въ „научности“, если не въ наукѣ, запада. Добровольная близорукость, иногда доходящая до полнаго ослѣпленія, плохой поводырь въ дѣлѣ научныхъ и философскихъ изысканій. И тотъ, кто способенъ смѣяться надъ слѣпымъ, падающимъ по слѣпотѣ въ яму или канаву, можетъ вдоволь насмѣяться надъ деспотическою „наукою“ запада,

которая признаетъ несомнѣннымъ и неоспоримымъ „фактомъ" фантастическія мечты, которыя ей милы и любы, и признаетъ суевѣріями и предразсудками тѣ несомнѣнные факты, которымъ она не хочетъ дать мѣста въ своемъ сознаніи, въ своемъ мышленіи, въ своей логикѣ и въ своей наукѣ.

Научный и философскій горизонтъ германо-романскихъ народовъ ограниченъ на тѣсномъ кругѣ ихъ эгоистическихъ интересовъ—и ограниченъ, конечно, по ихъ доброй волѣ. Ихъ разсчеты невѣрны и не могутъ быть вѣрными, потому что они по барскому капризу не берутъ въ счетъ реальныя величины, окрашенныя въ непріязненный для нихъ цвѣтъ, и тѣ міровыя явленія, тѣ живые и историческіе голоса, тѣ племена и народы, къ которымъ у нихъ не лежитъ душа, прямо игнорируютъ, считаютъ фикціями, величинами не существующими и, не желая даже смотрѣть на нихъ, съ досадливою раздражительностью утверждаютъ, что ихъ не было, нѣтъ и не будетъ.

Для наглядности этого положенія въ настоящее время мы имѣемъ яркій и поучительный примѣръ. На нашихъ глазахъ пишется исторія Японіи. До войны мы ее не знали и знать не хотѣли. Оказывается, что составить эту исторію очень легко: тамъ происходило то же самое, что и въ Европѣ. Тѣ же феодальные порядки, та же борьба свѣтской и духовной власти, та же борьба классовъ, та же смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ. И теперь во всѣхъ сферахъ японской жизни происходитъ то же самое, что и въ Европѣ. Деспотическая наука запада не можетъ допустить, чтобы какой-нибудь народъ въ своемъ историческомъ развитіи шелъ по своей дорогѣ, а не по той, по которой шелъ западъ. Очевидно, что при такой постановкѣ дѣла западная мысль схватываетъ только верхи, только самую внѣшнюю и безсодержательную оболочку жизни, своеобразной и по своему глубокой, случайной аналогіи придаетъ безусловное и исчерпывающее значеніе и за деревьями не видитъ лѣса.

Это свидѣтельствуетъ о томъ, что при изученіи Японіи романогерманскій міръ сознательно игнорируетъ все, что не подходитъ подъ его шаблоны,—другими словами, *не хочетъ* знать Японіи, какъ Японіи.

То же случилось и съ русской исторіей. Русскіе историки, знатные иностранцы въ своей странѣ, не нашли въ русской исторіи западныхъ шаблоновъ и торжественно провозгласили, что въ русской исторіи ничего и не было, что это какой-то первобытный хаосъ, пучина обскурантизма и косности, что-то ничтожное и безсмысленное. И выводы, которые дѣлаются изъ этого историческаго нигилизма на нашихъ глазахъ, ужасны и омерзительны. Россія, какъ малокультурная страна, свою самобытность можетъ видѣть только

въ самоотреченіи, должна поступиться своимъ вѣковымъ достояніемъ, своими землями и своими людьми. На нее смотрятъ, какъ на какую-то жертву европейскаго темперамента.

А время идетъ своимъ чередомъ, люди и народы зрѣютъ, условныя и искусственныя понятія лопаются, какъ мыльные пузыри, живая жизнь пробивается сквозь густые слои метафизической и софистической пыли и цѣлое свидѣтельствуетъ, что оно полнѣе и разнообразнѣе одной своей части.

Во всемъ этомъ, однако, все яснѣе и яснѣе сквозятъ черты высокаго комизма и несомнѣнной умственной ограниченности. Но эгоизмъ, создающій науку, при всей своей логической несостоятельности, по своему послѣдователенъ и силенъ уже тѣмъ, что онъ сроденъ человѣческой натурѣ, особенно воспитанной на началахъ насильственности и грубаго—только физическаго и экономическаго—господства. Эта ограниченность—узость взгляда не рабовъ, но побѣдителей и господъ. Быть можетъ, это даже глупо, — съ точки зрѣнія всемірной исторіи, съ точки зрѣнія *всѣхъ* живыхъ племенъ и народовъ, т. е. съ точки истинно-научной и истинно-философской. Но все же, по своему, это, если и не умно, то цѣлесообразно съ точки зрѣнія практическихъ интересовъ германо-романскаго міра, особенно „текущихъ" и „ближайшихъ" интересовъ.

Это такъ, потому что я хочу, чтобы эта было такъ. Это вѣчно, потому что я хочу, чтобы это было вѣчно. Нѣтъ конца, нѣтъ старости и смерти моей мысли, моей культурѣ, моему прогрессу, ибо въ противномъ случаѣ я останусь при пиковомъ интересѣ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ни логики, ни науки. Но человѣка, который такъ говоритъ, можно назвать мечтателемъ, хвастуномъ, наконецъ, нахаломъ,—но глупымъ, дуракомъ его назвать нельзя. Во всякомъ случаѣ, онъ себѣ на умѣ. То, что онъ говоритъ, онъ говоритъ не спроста и не съ вѣтру. Пока простодушные люди будутъ додумываться до того, что въ этой научности нѣтъ науки, что въ этихъ софизмахъ нѣтъ логики, — великолѣпные дѣльцы запада наживутся даже на на японскомъ займѣ, на много лѣтъ возьмутъ на себя заботу стричь волну японскаго самурая, изморятъ голодомъ Индію и, за отмѣною торговли неграми, за полнымъ истребленіемъ туземнаго населенія въ Австраліи, за чуть не повальнымъ уходомъ краснокожихъ въ страну ихъ благородныхъ и великихъ предковъ,—найдутъ новыя доходныя статьи, хотя бы въ той же Японіи.

Противъ этого поднимаетъ свой возмущенный голосъ не только нравственное сознаніе, но и здравая логика, дѣлающая свои выводы не подъ плетью германо-романской психологіи. Но въ историческомъ порядкѣ все это явленія понятныя и объяснимыя. Что же тогда сказать про русскую интеллигенцію, которой такъ любо похмѣлье на

чужомъ пиру, которой такъ дороги интересы чужого эгоизма? Это вѣдь уже совершенно безкорыстное отреченіе отъ правъ и обязанностей мышленія, добровольная глупость ради рабскаго самоотреченія и похвалъ, — впрочемъ, рѣдкихъ и лукавыхъ, — великаго запада! Отъ такой похвалы, какой удостоилъ „Times" послѣднюю статью гр. Л. Толстого, не поздоровится и великому писателю!

Глупое и ограниченное само по себѣ становится сугубо глупымъ и ограниченнымъ; мышленіе, лишенное опредѣленныхъ понятій, останавливается, что даетъ просторъ и лавры цинизму, безстыдству, разпузданности нечистыхъ страстей и нечистыхъ аппетитовъ, что создаетъ ореолъ учителя жизни Максиму Горькому и ореолъ отца церкви В. В. Розанову, который въ сверхъ-босячествѣ давно уже побилъ рекордъ во истину Горькаго.

Въ любой современной доктринѣ и теоріи, въ любой текущей „идейной" нелѣпости можно усмотрѣть слѣды того основнаго и коренным образомъ нелѣпаго положенія, что Европа пятая часть свѣта, что въ Россіи Уральскій хребетъ и рыбная рѣчка Уралъ отдѣляютъ пермскихъ и вятскихъ европейскихъ агнцевъ отъ томскихъ азіатскихъ козлищъ, что пермяки и вятичи уже приглашены занять уготованныя имъ райскіи обители, а томцы уже преданы во власть темнаго князя преисподней и аггеловъ его. Подъ благовиднымъ предлогомъ географической научности, Европа каррикатурно и, можетъ быть, несвоевременно (сколько извѣстно, антихристъ еще не пришелъ, хотя г. Розановъ и полкъ лже-пророковъ, иже съ нимъ, утверждаютъ противное, свидѣтельствуя, что наше время— завершительное, оргіастическое и теургическое время) даетъ репетицію Страшнаго Суда, а русскіе интеллигенты лѣзутъ изъ кожи, чтобы сдѣлать его еще страшнѣе, хотя, именно благодаря ихъ усердію. не по разуму, онъ становится только глупѣе и забавнѣе.

Еше болѣе опасную порчу природнаго ума и всей вообще способности мышленія обнаруживаетъ всегда произвольный и по необходимости уклончивый, двойственный и неопредѣленный отвѣтъ на вопросъ, тѣсно связанный съ первымъ,—именно, на вопросъ, европейцы-ли мы, поскольку и въ какомъ смыслѣ европейцы?

Единственно вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Н. Я. Данилевскій. И этотъ отвѣтъ мы внимательно разсмотримъ, хотя и a priori можно сказать, что русскіе западники, мнящіе себя европейцами, на самомъ дѣлѣ лже-европейцы, т. е. европейцы только отъ пятокъ по горло, а дальше начинается нивѣсть что.

IV.

При полной географической неограниченности Европы, можно и должно поставить вопросъ, принадлежитъ ли Россія къ Европѣ?

„Я уже отвѣтилъ на этотъ вопросъ,—говоритъ Данилевскій. — Какъ угодно; пожалуй, принадлежитъ,—пожалуй, не принадлежитъ,—пожалуй, принадлежитъ отчасти и при томъ насколько кому желательно. Въ сущности, въ разсматриваемомъ теперь смыслѣ, и Европы никакой нѣтъ, а есть западный полуостровъ Азіи, въ началѣ менѣе рѣзко отъ нея отличающійся, чѣмъ другіе азіатскіе полуострова, а къ оконечности постепенно все болѣе и болѣе дробящійся и расчленяющійся.

„Неужели же, однако, громкое слово „Европа"—слово безъ опредѣленнаго значенія, пустой звукъ, безъ опредѣленнаго смысла? О, конечно, нѣтъ! Смыслъ его очень полновѣсенъ, — только онъ не географическій, а культурно-историческій, и въ вопросѣ о принадлежности или непринадлежности къ Европѣ, географія не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Что же такое Европа въ этомъ культурно-историческомъ смыслѣ? Отвѣтъ на это самый опредѣленный и положительный: Европа есть поприще романо-германской цивилизаціи. Ни болѣе, ни менѣе. Или, по употребительному метафорическому способу выраженія, Европа есть сама романо-германская цивилизація. Оба эти слова—синонимы. Но германо-романская ли только цивилизація совпадаетъ со словомъ *Европа*? Не переводится ли оно точнѣе „общечеловѣческою цивилизаціею", или, по крайней мѣрѣ, ея цвѣтомъ?

„Не на той же ли европейской почвѣ возростала цивилизація греческая и римская? Нѣтъ, поприще этихъ цивилизацій было иное. То былъ бассейнъ Средиземнаго моря, совершенно независимо отъ того, гдѣ лежали страны этой древней цивилизаціи,—къ сѣверу ли, къ югу, или къ востоку,—на европейскомъ, азіатскомъ или африканскомъ берегу этого моря? На малоазіатскомъ берегу, съ прилежащими островами зародилась эпическая поэзія, лирика, философія, скульптура, исторія и медицина грековъ и оттуда перешла на почву Европы". „Главнымъ центромъ этой цивилизаціи сдѣлались, правда, Аѳины; но закончилась она и, такъ сказать, дала плодъ свой опять не въ европейской странѣ, а въ Александріи, въ Египтѣ. Значитъ, древне-эллинская культура, совершая свое развитіе, обошла всѣ три такъ называемыя части свѣта—Азію, Европу и Африку, а не составляла исключительной принадлежности Европы. Не въ ней она началась, не въ ней и закончилась".

„Греки и римляне, противополагая свои образованныя страны

странамъ варварскимъ, включали въ первое понятіе одинаково и европейскія, и азіатскія, и африканскія прибрежья Средиземнаго моря, а ко второму причисляли весь остальной міръ,—точно такъ же какъ германо-романы противополагаютъ Европу, т. е. мѣсто своей дѣятельности, прочимъ странамъ. Несправедливо было бы думать, что Европа составляетъ поприще человѣческой цивилизаціи вообще, или, по крайней мѣрѣ, всей лучшей части ея; она есть только поприще великой романо-германской цивилизаціи,—ея синонимъ. И только со времени развитія этой цивилизаціи слово „Европа" получило тотъ смыслъ и значеніе, въ которомъ оно употребляется".

V.

„Принадлежитъ ли въ этомъ смыслѣ Россія къ Европѣ? Къ сожалѣнію или къ удовольствію, къ счастью или къ несчастью,—нѣтъ, не принадлежитъ. Она не питалась ни однимъ изъ тѣхъ корней, которыми всасывала Европа какъ благотворные, такъ и вредоносные соки непосредственно изъ почвы ею же разрушеннаго древняго міра,—не питалась и тѣми корнями, которые почерпали пищу изъ глубины германскаго духа. Не составляла она части возобновленной Римской Имперіи Карла Великаго, которая представляла какъ бы общій стволъ, черезъ раздѣленіе котораго образовалось все многовѣтвистое европейское дерево,—не входила въ составъ той теократической федераціи, которая замѣнила Карлову монархію,—не связывалась въ одно общее тѣло феодально-аристократическою сѣтью, которая (какъ во времена Карла, такъ и во времена своего рыцарскаго цвѣта) не имѣла въ себѣ почти ничего національнаго, а представляла собою учрежденіе общеевропейское, въ полномъ смыслѣ этого слова.

„Затѣмъ, когда насталъ новый вѣкъ и зачался новый порядокъ вещей, Россія также не участвовала въ борьбѣ съ феодальнымъ насиліемъ, которое привело къ той формѣ гражданской свободы, которую выработала эта борьба; не боролась и съ гнетомъ ложной формы христіанства (продуктомъ лжи, гордости и невѣжества, величающимъ себя католичествомъ) и не имѣетъ нужды въ той формѣ религіозной свободы, которая называется протестантствомъ. Не знала Россія и гнета, а также воспитательнаго дѣйствія схоластики, и не выработала той свободы мысли, которая создала новую науку; не жила тѣми идеалами, которые воплотились въ германо-романской формѣ искусства. Однимъ словомъ, она непричастна ни европейскому добру, ни европейскому злу. Какъ же можетъ она принадлежать къ Европѣ? Ни истинная скромность, ни искренняя гордость

не позволяютъ Россіи считаться Европой. Она не заслужила этой чести и, если хочетъ заслужить иную, не должна изъявлять претензіи на ту, которая ей не принадлежитъ. Только выскочки, незнающіе ни скромности, ни благородной гордости, втираются въ кругъ, который считается ими за высшій. Понимающіе же свое достоинство люди остаются въ своемъ кругу, не считая его (ни въ какомъ случаѣ) для себя унизительнымъ, а стараются его облагородить такъ, чтобы некому и нечему было завидовать.

„Но если Россія, скажутъ намъ, не принадлежитъ къ Европѣ по праву рожденія, она принадлежитъ ей по праву происхожденія: она усвоила себѣ (или должна стараться усвоить) то, что выработала Европа: она сдѣлалась (или, по крайней мѣрѣ, должна сдѣлаться) участницею въ ея трудахъ. Кто же ее усыновилъ? Мы что-то не видимъ родительскихъ чувствъ Европы въ ея отношеніяхъ къ Россіи. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ,—возможно ли вообще такое усыновленіе? Возможно ли, чтобы организмъ, столько времени питавшійся своими соками, вытягиваемыми своими корнями изъ своей почвы, присосался сосальцами къ другому организму, далъ высохнуть своимъ корнямъ и изъ самостоятельнаго растенія сдѣлался чужеяднымъ? Если почва тоща, т. е. если не достаетъ ей какихъ-либо необходимыхъ для полнаго роста составныхъ частей, ее надо удобрить, доставить эти недостающія части, разрыхлить глубокою пахотою тѣ, которыя въ ней уже есть, чтобы онѣ лучше и легче усвоялись, а не чужеядничать, оставляя засыхать свои корни. Но объ этомъ послѣ. Мы увидимъ, можетъ быть, насколько и въ какой формѣ возможно это усвоеніе чужого. А пока пусть будетъ такъ: если не по рожденію, то по усыновленію Россія сдѣлалась Европой. Къ дичку привитъ европейскій черенокъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, девизомъ нашимъ должно быть: Europaeus sum et nihil europaei a me alienum esse puto. Всѣ европейскіе интересы должны сдѣлаться и русскими. Надо быть послѣдовательнымъ, надо признать европейскія желанія, европейскія стремленія своими желаніями и стремленіями. Будучи Европою, можно, конечно, въ томъ или другомъ быть несогласнымъ въ отдѣльности съ Германіей, Франціей, Англіей, Италіей,—но съ Европою, т. е. съ самимъ собою, надо непремѣнно быть согласнымъ, надо отказаться отъ всего, что Европа, вся Европа, единодушно считаетъ несогласнымъ съ своими видами и интересами, надо быть добросовѣстнымъ, послѣдовательнымъ принятому на себя званію“.

Если Европа насъ усыновила, если мы вошли въ ея семью на правахъ равноправнаго члена, какую же роль она даетъ намъ въ міровой политикѣ, на всеміріно-историческомъ театрѣ? Говорили и говорятъ, что задача Россіи цивилизовать востокъ. Какой же во-

стокъ? До Турціи допустить Россію Европа не согласна. Это дѣло нѣмцевъ. Сюда идетъ Drang nach Osten. Покореніе Кавказа Европѣ было не по вкусу. Тутъ она и сама была бы не прочь похозяйничать. Въ Персіи начинаются уже англійскіе интересы. Въ Китаѣ и того больше. На берегахъ Тихаго океана и въ Манчжуріи раздвигается сфера американскихъ коммерческихъ интересовъ. Остается только одна Средняя Азія.

„Тысячу лѣтъ строиться, обливаясь потомъ и кровью, и составить государство въ восемьдесятъ милліоновъ (изъ коихъ шестьдесятъ одного рода и племени, чему, кромѣ Китая, міръ не представлялъ и не представляетъ другого примѣра) для того, чтобы потчивать европейскою цивилизаціею пять или шесть милліоновъ коканскихъ, бухарскихъ или хивинскихъ оборванцевъ, да, пожалуй, еще два-три милліона монгольскихъ кочевниковъ,—ибо таковъ настоящій смыслъ громкой фразы о распространеніи цивилизаціи въ глубь азіатскаго материка,—вотъ то великое назначеніе, та всемірно-историческая роль, которая предстоитъ Россіи, какъ носительницѣ европейскаго просвѣщенія. Нечего сказать, завидная роль. Стоило изъ-за этого жить, царство строить, государственную тяготу нести, выносить крѣпостную долю, петровскую реформу, бироновщину и прочіе эксперименты! Ужъ лучше бы въ видѣ древлянъ, полянъ, вятичей и радимичей, по степямъ и по лѣсамъ скитаться, пользуясь племенною волею, пока милостью Божіей ноги носятъ. „Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus“. По истинѣ, горою, рождающею мышь,—какимъ-то громаднымъ историческимъ плеоназмомъ, чѣмъ-то гигантски лишнимъ является наша Россія въ качествѣ носительницы европейской цивилизаціи“.

VI.

Надо много самаго буйнаго легкомыслія для того, чтобы поднимать совершенно нелѣпый вопросъ объ усыновленіи Россіи Европою. Съ точки зрѣнія Европы для Россіи нѣтъ никакого историческаго дѣла на нашей планетѣ. Свою цивилизацію западъ хочетъ насаждать своими руками и только для своего кармана. Теперь, въ строгіе и знаменательные дни крова ваго столкновенія съ Японіею, мы видимъ, кого и какъ усыновляетъ Европа, кто собственно ей милъ и дорогъ. Еще недавно лицемѣрная покровительница магометанской Турціи съ ея воинственною и фанатическою религіею, нынѣ она всѣ свои родительскія чувства отдаетъ „передовой“ азіатской странѣ, гдѣ будто бы во всемъ объемѣ привилась европейская культура,

привилась подозрительно быстро и привилась на почвѣ грубаго язычества.

До русско-японской войны нелѣпыя бредни нашихъ западниковъ о наступившемъ будто бы духовномъ общеніи и единеніи Россіи съ западомъ еще могли имѣть хоть какой-нибудь смыслъ для слишкомъ довѣрчивыхъ и наивныхъ „передовыхъ умовъ“ русской интеллигенціи. Теперь этой глупой и лживой сказкѣ—конецъ. Не на словахъ, а на дѣлѣ Европа показала, какъ она относится къ Россіи. Надо не имѣть глазъ и ушей, надо совсѣмъ не имѣть мозга въ черепѣ, чтобы безсмысленно поддаваться ребяческой иллюзіи о какомъ-то золотомъ вѣкѣ, будто бы возникающемъ на почвѣ европейской культуры, въ видѣ братства народовъ.

Европа смотритъ на Россію, какъ испанскіе конквистадоры смотрѣли на американскихъ краснокожихъ, какъ англичане смотрятъ на индусовъ, какъ англійскіе каторжники въ Австраліи смотрѣли на туземное населеніе, пока оно еще не было начисто истреблено. И въ Россіи они хотѣли бы насадить свою культуру, для чего Европа иногда находитъ нужнымъ предварительно истребить мѣстное населеніе. Только по имени и въ воспоминаніяхъ живутъ нѣкоторые изъ тѣхъ народовъ, съ которыми приходила въ соприкосновеніе европейская цивилизація. Гдѣ роиллы въ англійской Индіи? Европа всегда берется за мечъ, когда народы, одаренные силою и самосознаніемъ, т. е. наиболѣе талантливые и способные къ дальнѣйшему развитію, отказываются принять подъ именемъ культуры ея старые предразсудки и схоластическіе софизмы.

„Несомнѣнно, что общеловѣческая цивилизація,—говоритъ Данилевскій,—если только европейская есть дѣйствительно единственно возможная цивилизація для всего человѣчества,—неизмѣримо выиграла бы, если бы вмѣсто славянскаго царства и славянскаго народа, занимающаго теперь Россію—было тутъ (четыре или три вѣка тому назадъ) пустопорожнее пространство, по которому изрѣдка бы бродили кое-какіе дикари, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Канадѣ при открытіи ихъ европейцами“.

Какъ бы поступили съ этими дикарями и съ этими пустопорожними пространствами просвѣщенные европейцы,—спрашивать надобности нѣтъ. Исторія даетъ на это вполнѣ опредѣленный и категорическій отвѣтъ: эти дикари исчезли бы съ лица земли, какъ исчезли туземцы Австраліи, какъ исчезаютъ краснокожіе въ Америкѣ, какъ будетъ исчезать коренное населеніе въ британской Индіи.

Наша интеллигенція только изъ рабской и младенчески суевѣрной боязни страшныхъ словъ не дѣлаетъ послѣднихъ выводовъ изъ своихъ посылокъ. Если не истребленіе или угнетеніе русскаго народа, то ослабленіе его силы, устраненіе его неподатливости

внутренней крѣпости естественно и по логической необходимости является конечнымъ выводомъ изъ ея западническаго силлогизма. Недомолвки, софизмы, двусмысленные намеки временно прикрываютъ истинную сущность дѣла, но силлогизмъ съ стихійною послѣдовательностью и закономѣрностью развертывается во всей своей ужасающей простотѣ и выбрасываетъ безстыдные до цинизма и разрушительные до основанія выводы.

Нѣтъ мѣста на землѣ и въ исторіи для народа, который не подчинится культурному и главнымъ образомъ экономическому господству запада. Западъ хочетъ быть единымъ господиномъ въ мірѣ и рядомъ съ нимъ нѣтъ мѣста для другой мысли, для другой жизни, для другой силы.

Этотъ отбросъ худшихъ и самыхъ насильственныхъ инстинктовъ германо-романскаго міра, догнивая въ „вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ“ русской интеллигенціи, въ этой спертой и удушливой атмосферѣ поднимаетъ такой смрадъ, при которомъ безумный горячечный бредъ принимается за мышленіе и науку.

„При нашей уступкѣ,—говоритъ Данилевскій,—что Россія, если не прирожденная, то усыновленная Европа, мы приходимъ къ тому заключенію, что она—не только гигантски-лишній, громадный историческій плеоназмъ, но даже положительное, всѣми трудно-преодолимое препятствіе къ развитію и распространенію настоящей общечеловѣческой, т. е. европейской или германо-романской цивилизаціи. Этого взгляда собственно и держится Европа относительно Россіи. Этотъ взглядъ, выраженный здѣсь только въ нѣсколько рѣзкой формѣ, въ сущности очень распространенъ и между корифеями нашего общественнаго мнѣнія и ихъ просвѣщенными послѣдователями. Съ такой точки зрѣнія становится понятнымъ (и не только, понятнымъ, а въ нѣкоторомъ смыслѣ законнымъ и, пожалуй, благороднымъ) сочувствіе и стремленіе ко всему, что клонится къ ослабленію русскаго начала по окраинамъ Россіи,—къ обособленію (даже насильственному) разныхъ краевъ, въ которыхъ кромѣ русскихъ существуютъ какіе бы то ни было инородческіе элементы,—къ покровительству, къ усиленію (даже искусственному) этихъ элементовъ и къ доставленію имъ привиллегированнаго положенія въ ущербъ русскому. Если Русь, въ смыслѣ самобытнаго славянскаго государства, есть препятствіе дѣлу европеизма и гуманитарности, и если нельзя притомъ, къ сожалѣнію, обратить ее въ tabula rasa для скорѣйшаго развитія на ея мѣстѣ истинной европейской культуры pur sang,—то что же остается дѣлать, какъ не ослаблять то народное начало, которое даетъ силу и крѣпость этому общественному и политическому организму? Это жертва на священный алтарь Европы и человѣчества.

„Не эта ли возвышенная и благородная любовь къ человѣчеству, чуждая всякаго народнаго эгоизма и національной узкости взгляда, возведена въ идеалъ въ маркизѣ Поза, этомъ идеальномъ созданіи Шиллера, передъ которымъ мы съ дѣтства привыкли благоговѣть? Будучи природнымъ испанцемъ, вѣдь странствовалъ же благородный маркизъ по Европѣ, отыскивая враговъ своему отечеству, которое считалъ препятствіемъ для свободы и благоденствія человѣчества, и даже Солимана уговаривалъ выслать турецкій флотъ противъ Испаніи. Такая аберрація, такое искаженіе естественнаго человѣческаго чувства, на основаніи логическаго вывода, болѣе извинительно въ нѣмецкомъ поэтѣ конца прошлаго вѣка, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ. Вѣдь онъ, родившись въ какомъ-нибудь Виртембергѣ, собственно говоря, не имѣлъ отечества и не пріобрѣлъ его до тѣхъ поръ, пока въ лицѣ Валленштейна не созналъ, что это отечество—цѣлая Германія. Но и такое отечество только постигалось мыслью, а не непосредственнымъ чувствомъ.

„Русскому такое состояніе духа должно бы быть менѣе возможно, но и оно объясняется тѣмъ же, ненаходящимъ себѣ примиренія противорѣчіемъ между *народнымъ чувствомъ и идеею о возвышенности пожертвованія низшимъ для высшаго*—и, хотя въ искаженномъ видѣ, высказываетъ черту чисто-славянскаго безкорыстія,—такъ сказать, порокъ славянской добродѣтели. Этимъ объясняется и то, что русскій патріотизмъ проявляется только въ критическія минуты. Побѣда односторонней идеи надъ чувствомъ бываетъ возможна только при спокойномъ состояніи духа. Но коль скоро что-нибудь приводитъ народное чувство въ возбужденное состояніе, логическій выводъ теряетъ передъ нимъ всякую силу, и бывшій гуманитарный прогрессистъ, поклонникъ Позы, становится на время настоящимъ патріотомъ. Такія вспышки патріотизма не могутъ, конечно, замѣнить сознательнаго, находящагося въ мирѣ съ самимъ собою чувства народности, и понятнымъ становится, что страны, присоединенныя къ Россіи послѣ Петра, не русѣютъ, не смотря ни на желаніе правительства достигнуть этого, ни на безконечно усилившіяся средства его дѣйствовать на народъ, между тѣмъ какъ въ старину всѣ пріобрѣтенія,—безъ всякаго насилія, которое не было ни въ духѣ правительства, ни вообще въ духѣ русскаго народа,—быстро обращались въ чисто русскія области“.

VII.

Идея о возвышенности пожертвованія низшимъ для высшаго имѣетъ огромное значеніе для характеристики той психологіи германо-

романскихъ народовъ, которую, по вполнѣ понятной и естественной ошибкѣ, западъ выдаетъ за свою логику и философію. Взятая сама по себѣ, внѣ психологической окраски, эта мысль даетъ ясные признаки грубо языческаго происхожденія. На христіанской почвѣ она возникнуть не могла. Здѣсь мы только отмѣчаемъ эту черту, какъ особо важную въ дѣлѣ опредѣленія психологическихъ основъ западной логики, оставляя болѣе обстоятельное ея разсмотрѣніе до того момента, когда можно будетъ подводить итоги отдѣльнымъ фактамъ и положеніямъ.

Здѣсь-же мы хотимъ отмѣтить тотъ фактъ, что этотъ необходимый и существенный для историческаго и наличнаго запада выводъ въ сознаніи русской интеллигенціи догниваетъ въ той категорической и прямолинейной формѣ, что низшее—это всегда русскій народъ, а высшее—это западъ, ради котораго „возвышенно“ жертвовать русскимъ народомъ. Повторяемъ, западническій силлогизмъ развертывается все шире и шире. Для полноты его раскрытія нужна соотвѣтствующая почва. Она и подготовляется. Прорываются и отражаются въ литературѣ какіе-то смутные инстинкты, свидѣтельствующіе о какой-то глухой безсознательной работѣ духа. Едва ли можно назвать случайнымъ то обстоятельство, что наши поэты и критики очень старательно увѣнчиваютъ лавровыми вѣнками еще недавно безславныхъ Іуду Искаріота, Герострата, Каина, Конрада Валленрода и другихъ героевъ предательства и измѣны. Въ этихъ отверженцахъ человѣчества вожди русской интеллигенціи видятъ что-то неотразимо влекущее, манящее и соблазнительное. И если наша литература обосячилась и съ каждымъ годомъ обосячивается все больше и больше, то этимъ только подготовляется психологическая почва для полной измѣны своему народу, когда время созрѣетъ. Надо расшатать тѣ нравственные и народные устои, на которыхъ покоится русское самосознаніе, русская мысль и совѣсть, чтобы очистить дорогу для культурнаго и экономическаго господства германо-романскихъ народовъ во всей *Европѣ*, границы которой на этотъ случай отодвинутъ до Портъ-Артура и Владивостока. Силлогизмъ еще не весь развернулся, но онъ развертывается и литературные симптомы этого—у всѣхъ на глазахъ.

Это послѣдовательные западники, которые не боятся выводовъ. Россія должна утратить свою политическую, государственную и общественную силу, чтобы во всей полнотѣ воспринять въ свое лоно предразсудки и софизмы западной психологіи. Менѣе послѣдовательны и логичны интеллигенты другой категоріи, которые, признавая всю суевѣрную догматику запада, мечтаютъ объ усиленіи политической мощи Россіи ради одной только этой мощи, ради того грубаго эгоизма, который думаетъ только о ростѣ и преобладаніи

своего, хотя бы это свое, по внутреннему убѣжденію, было очень плохо.

Этотъ взглядъ „признаетъ безконечное во всемъ превосходство европейскаго передъ русскимъ и непоколебимо вѣруетъ въ единую спасительную европейскую цивилизацію; всякую мысль о возможности иной цивилизаціи считаетъ даже нелѣпымъ мечтаніемъ; а между тѣмъ отрекается отъ всѣхъ логическихъ послѣдствій такого взгляда: желаетъ внѣшней силы и крѣпости безъ внутренняго содержанія, которое ее оправдывало бы,—желаетъ свища съ крѣпкою скорлупою. Здѣсь, очевидно, народное чувство пересилило логическій выводъ и потому-то этотъ взглядъ болѣе сочувственъ. Народное чувство, конечно, не имѣетъ нужды ни въ какомъ логическомъ оправданіи. Оно, какъ всякое естественное человѣческое чувство, само себя оправдываетъ и потому всегда сочувственно. Но, тѣмъ не менѣе, жалка доля того народа, который принужденъ только имъ довольствоваться,—который какъ бы принужденъ если не говорить, такъ думать: я люблю свое отечество, но долженъ сознаться, что проку въ немъ никакого нѣтъ. Подъ такимъ внѣшнимъ политическимъ патріотизмомъ кроется горькое сомнѣніе въ самомъ себѣ,—кроется сознаніе жалкаго банкротства. Онъ какъ-бы говоритъ себѣ: я ничего не стою; въ меня надо вложить силу и вдунуть духъ извнѣ, съ запада; меня надобно притянуть къ нему, насильно въ него втиснуть,—авось выйдетъ что-нибудь вылѣпленное по той формѣ, которая одна достойна человѣчества, которая исчерпываетъ все его содержаніе“.

„Въ сущности такое горькое сознаніе лежитъ и въ основѣ нашего новѣйшаго, чисто-внѣшняго политическаго патріотизма. Онъ только менѣе искрененъ самъ съ собою, менѣе послѣдователенъ,—надѣется собирать тамъ, гдѣ не сѣялъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, европеизмъ заключаетъ въ себѣ все живое, что только есть въ человѣчествѣ,—столь же всесторонепъ, какъ и оно,—въ сущности тождественъ съ нимъ; если все, что не подходитъ подъ его формулу, ложь и гниль, предназначенныя на ничтожество и погибель, какъ все неразумное,—то не надобно ли скорѣй покончить со всѣмъ, что держится на иной почвѣ своими корнями? Къ чему заботиться о скорлупѣ, не заключающей въ себѣ здороваго ядра,—въ особенности же, къ чему стараться о приданіи большей и большей твердости этой скорлупѣ? Крѣпкая внѣшность сохраняетъ внутреннее содержаніе; всякая твердая, плотная, компактная масса труднѣе подвергается внѣшнему вліянію, не пропускаетъ животворныхъ лучей свѣта, теплоты и оплодотворяющей влажности. Если внѣшнее вліяніе благотворно, то не лучше ли, не сообразнѣе ли съ цѣлью широко открыть ему пути, расшатать связь, сплочивающую массу, дать про-

сторъ дѣйствовать чуждымъ, постороннимъ элементамъ высшаго порядка, вошедшимъ по счастію кое-гдѣ въ составъ этой массы? Не скорѣе ли проникнется черезъ это и вся масса вліяніемъ этихъ благодѣтельныхъ элементовъ? Не скорѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, проникнется европеизмомъ, очеловѣчится вся Русь, когда ея окраины, примутъ европейскій складъ, благо у ней есть уже европейскія дрожжи, которыя,—только не мѣшайте имъ,—скоро приведутъ эти окраины въ благодѣтельное броженіе. Это броженіе не преминетъ передаться остальной массѣ и разложить все, что въ ней есть варварскаго, азіатскаго, восточнаго; одно чисто западное останется. Конечно, все это произойдетъ въ томъ только случаѣ, когда въ народныхъ организмахъ возможны такія химическія замѣщенія. Но въ такой возможности вѣдь не сомнѣвается просвѣщенный политическій патріотизмъ. Зачѣмъ же мѣшать благодѣтельному химическому процессу?"

„Справедливо и названіе ультра-русской партіи, придаваемое такому чисто-внѣшнему политическому патріотизму. Если Русь еще Русь, то конечно, смѣшно говорить о русской партіи въ этой Руси. Но если Русь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Европа, то почему же въ ней не быть и русской и европейской, и ультра-русской и ультра-европейской партіи? Отчего, однако, нѣтъ ничего подобнаго въ другихъ государствахъ,—отчего, напримѣръ, не можетъ быть ультра-французской партіи во Франціи. Оттого, что Франція есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая Европа, что существеннаго противорѣчія между интересами Франціи и интересами Европы быть не можетъ, какъ не можетъ его быть (въ нормальномъ положеніи вещей, по крайней мѣрѣ) между цѣлымъ и его частью. Но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ и это, однако, можетъ случиться. Такъ, при Наполеонѣ I была партія, обнимающая собою почти всѣхъ французовъ, которая желала поработить Европу. Такъ и теперь есть партія, которая желаетъ присоединить Бельгію и вообще цѣлый берегъ Рейна. Такая партія можетъ быть названа ультра-французскою, въ противоположность партіи европейской, не желающей этихъ захватовъ.

„Но Россія, по мнѣнію Европы, не составляетъ плоти отъ плоти ея и кости отъ костей ея. По мнѣнію самихъ русскихъ европейцевъ, Россія только еще стремится сдѣлаться Европою, заслужить ея усыновленіе. Не въ правѣ ли Европа сказать имъ: если вы истинно хотите быть Европой, зачѣмъ же вамъ противодѣйствовать германизаціи балтійскаго края? Вы еще хотите сдѣлаться европейцами (и я не знаю, какъ это вамъ удастся), а вотъ тутъ уже есть настоящіе, природные европейскіе дѣятели; зачѣмъ же вы хотите остановить ихъ дѣйствія во благо Европы, а, слѣдовательно, и человѣ-

чества? Значитъ, слова ваши не искренны: вы свои русскіе интересы ставите выше европейскихъ; вы, значитъ, ультра-русская партія". „Тоже самое могутъ сказать по отношенію къ западнымъ губерніямъ и по многимъ другимъ вопросамъ. Противоположность интересовъ, которая временно возникаетъ между Европой и Франціей,—между Россіей и Европой, постоянна,—по крайней мѣрѣ, во мнѣніи самой Европы. Не въ правѣ ли послѣ этого Европа въ странѣ, имѣющей претензію на принадлежность къ Европѣ, называть ультра-русскою ту партію, которая, раздѣляя эту претензію, не хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчинять частныхъ русскихъ интересовъ интересамъ общеевропейскимъ? Какъ примирить со всѣмъ этимъ естественное и святое чувство народности,—не знаю. Думаю, что на почвѣ чисто-политическаго патріотизма примиреніе это вовсе и немыслимо.

„Чисто-политическій патріотизмъ возможенъ для Франціи, Англіи, Италіи, но не возможенъ для Россіи, потому, что Россія и эти страны—единицы неодинаковаго порядка. Онѣ суть только политическія единицы, составляющія части другой высшей культурно-исторической единицы, Европы, къ которой Россія не принадлежитъ по многимъ и многимъ причинамъ. Если же, наперекоръ исторіи, наперекоръ мнѣнію и желанію самой Европы, наперекоръ внутреннему сознанію и стремленіямъ своего народа,—Россія все-таки захочетъ причислиться къ Европѣ, то ей, чтобы быть логической и послѣдовательной, ничего другого не остается, какъ отказаться отъ всякаго политическаго патріотизма, отъ мысли о крѣпости, цѣльности и единствѣ своего государственнаго организма, отъ обрусѣнія своихъ окраинъ, ибо эта твердость наружной скорлупы составляетъ только препятствіе къ европеизаціи Россіи. Европа, не признающая (какъ и естественно) другого культурнаго начала, кромѣ германо-романской цивилизаціи, такъ и смотритъ на это дѣло".

VIII.

Русское самосознаніе портилось и искажалось на протяженіи двухъ столѣтій. Вполнѣ естественно, что многовѣковое, хотя бы и мало сознательное западничанье пустило глубокіе корни. Часто человѣкъ считаетъ себя русскимъ до мозга костей, но въ самомъ строеніи мышленія и совѣсти является западникомъ отъ головы до пятъ. Сознательное отношеніе къ духовнымъ особенностямъ двухъ культуръ дѣло нелегкое и по плечу немногимъ. А политика, особенно же политиканство — любимое времяпрепровожденіе людей легкой мысли и легкихъ умственныхъ интересовъ, для которыхъ западъ разжевалъ и въ ротъ положилъ эту маленькую мудрость.

Вотъ почему даже искреннее стремленіе къ сознательности въ вопросѣ о русской самобытности такъ легко сбивается на поверхностное политиканство.

Отдѣльные люди и кружки, собиравшіеся для уясненія творческихъ началъ въ жизни и исторіи русскаго народа, т. е. философскихъ основъ русскаго самознанія, уже не разъ, слишкомъ круто переходя отъ теоріи къ практикѣ, теряли подъ ногами всякую почву и съ поразительнымъ легкомысліемъ не вѣдали, что творили.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о крупномъ и сложномъ явленіи, имѣющемъ всемірно-историческое значеніе, случайные и произвольные компромиссы только затемняютъ смыслъ и сущность дѣла и, обременяя мышленіе кучами негоднаго хлама, въ корнѣ убиваютъ самую возможность разобраться въ вопросѣ и найти прямой и честный выходъ изъ хитро задуманнаго и хитро построеннаго лабиринта. Изъ двоящихся словъ и расползающихся понятій ничего путнаго не выйдетъ. Надо умѣть дѣлать выводы изъ принятыхъ положеній и не бояться ихъ опредѣленности и точности. Уклончивость и лукавое лицемѣріе только на время могутъ придать кажущуюся серьезность совершенно легкомысленному замыслу. Большое и серьезное дѣло обратить въ пустякъ и съ глубокомысленнымъ видомъ заниматься вздоромъ—старая привычка русской интеллигенціи, отнюдь не свидѣтельствующая ни о ростѣ самосознанія, ни о зрѣлости мысли. Отдѣлаться отъ застарѣлыхъ предразсудковъ—совсѣмъ не легко. Даромъ это не дается. Для этого надо много и много поработать.

Очевидно, что мысль о нашей географической, исторической и духовной принадлежности къ Европѣ тяжелымъ камнемъ легла на интеллигентные мозги многихъ поколѣній, выдавила изъ нихъ весь сокъ и превратила ихъ въ сухую схоластическую мочалку, чуждую жизни и движенія. На этой почвѣ слагались выводы, которые на первыхъ порахъ возмущали всякую живую совѣсть своею циническою жестокостью и безчеловѣчною насильственностью. Несоотвѣтствіе теорій, сложившихся на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ, изъ чужихъ формъ жизни, съ фактами исторіи, съ законами логики и съ фактами дѣйствительности на первыхъ порахъ рѣзало всякій здоровый глазъ. Но привычка—великое дѣло. Совѣсть начала дремать, глазъ терялъ способность зрѣнія. А западническій силлогизмъ потихоньку, но неудержимо дѣлалъ свое дѣло. И теперь, когда онъ сталъ показывать свои послѣдніе выводы, въ которыхъ столько же безумія, сколько и безстыдства, болѣе совѣстливые и чуткіе проповѣдники германо-романской психологіи начинаютъ кричать, что это дѣло не ихъ рукъ, что косматое чудовище въ химерическомъ образѣ сверхъ-босяка—скотина доморощенная, что оно вылѣзло изъ какой-то самобытно-русской трущобы, что западъ неповиненъ въ „возрожденіи“

и обожествленіи грязнаго дикообраза. Но это не вѣрно. Это плоть отъ плоти и кость отъ костей если не запада, то русскаго западничанья, застарѣлой привычки подбирать гнилые отбросы съ заднихъ дворовъ германо-романской „научности“ или—вѣрнѣе—психологіи.

„Гдѣ же искать примиренія,—спрашиваетъ Данилевскій,—между русскимъ народнымъ чувствомъ и признаваемыми разумомъ требованіями человѣческаго преуспѣнія или прогресса? Неужели въ славянофильской мечтѣ, въ такъ называемомъ ученіи объ особой русской или всеславянской цивилизаціи, надъ которымъ всѣ такъ долго глумились,—надъ которымъ продолжаютъ глумиться и теперь, хотя уже не всѣ? Развѣ Европою не выработано окончательной формы человѣческой культуры, которую остается только распространять по лицу земли, чтобы осчастливить всѣ племена и народы? Развѣ не пройдены всѣ переходные фазисы развитія общечеловѣческой жизни и потокъ всемірно-историческаго прогресса, столько разъ скрывавшійся въ подъемныя пропасти и низвергавшійся водопадами, не вступилъ, наконецъ, въ правильное русло, которымъ остается ему течь до скончанія вѣковъ, напояя всѣ народы и поколѣнія, увлажняя и оплодотворяя всѣ страны земли?

„Не смотря на всю странность такого взгляда, который въ подтвержденіе свое не можетъ найти рѣшительно ничего аналогическаго въ природѣ (гдѣ все, имѣющее начало, имѣетъ и конецъ, все исчерпываетъ, наконецъ, свое содержаніе)—таковъ, однако-же, историческій догматъ, въ который вѣруетъ большинство современнаго образованнаго человѣчества. Что въ него вѣруетъ Европа, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: это совершенно сообразно съ законами человѣческаго духа. Только та дѣятельность плодотворна, то чувство искренне и сильно, которыя не сомнѣваются въ самихъ себѣ—и считаютъ себя окончательными и вѣчными. Не считаетъ ли всякій истинный художникъ создаваемыя имъ формы послѣднимъ словомъ искусства, далѣе котораго уже не пойдутъ? Не считаетъ ли ученый, выработывающій какую-нибудь теорію, что онъ сказываетъ послѣднее слово науки, объясняетъ всю истину,—что послѣ него, конечно, будутъ пополняться частности, но данное имъ направленіе останется навсегда неизмѣннымъ? Не считаетъ ли государственный мужъ, что принятая имъ система должна навѣки облагодѣтельствовать его страну? Не считаетъ ли, наконецъ, влюбленный, несмотря на знаменитый стихъ: „а вѣчно любить невозможно“ и на опытъ огромнаго большинства людей,—что его чувство составляетъ исключеніе и продлится въ одинаковой силѣ столько же, сколько сама жизнь?

„Безъ этой иллюзіи ни истинно великая дѣятельность, ни искреннее чувство невозможны. Римъ считался вѣчнымъ, несмотря на то, что

Мемфисъ, Вавилонъ, Тиръ, Карѳагенъ, Аѳины уже пали и потому только онъ казался римлянамъ стоющимъ тѣхъ жертвъ, которыя для него приносились. Но и тѣ, которые собственно не могутъ претендовать на честь принадлежать къ Европѣ, такъ ослѣплены блескомъ ея, что не понимаютъ возможности прогресса внѣ проложеннаго ею пути, хотя, при сколько-нибудь пристальномъ взглядѣ, нельзя не видѣть, что европейская цивилизація такъ же одностороння, какъ все на свѣтѣ. Теперь поняли, что политическія формы, выработанныя однимъ народомъ, собственно только для одного этого народа и годятся,—но не соглашаются распространить эту мысль и на прочія отправленія общественнаго организма.

„Кромѣ только что упомянутаго мною личнаго чувства, требующаго нескончаемости, есть еще причины, по которымъ мысль о возможности возникновенія иной цивилизаціи, кромѣ европейской или германо-романской, кажется болѣе чѣмъ странною огромному большинству образованныхъ людей—не только въ самой Европѣ, но и между славянами. Причины эти заключаются, по моему мнѣнію, главнѣйше въ невѣрномъ пониманіи самыхъ общихъ началъ хода историческаго процесса,—въ неясномъ, такъ сказать, туманномъ представленіи историческаго явленія, извѣстнаго подъ именемъ прогресса,—въ неправильномъ понятіи, которое обыкновенно составляютъ себѣ объ отношеніи національнаго къ общечеловѣческому, и еще въ одномъ предразсудочномъ понятіи о характерѣ того, что называется западомъ и востокомъ, — понятіи, принимаемомъ за аксіому и потому не подвергаемомъ критикѣ. Обращаюсь прежде къ этому предразсудку, хотя онъ далеко не имѣетъ того значенія, которыя приписываю первымъ причинамъ. Это поможетъ намъ нѣсколько расчистить почву подъ ногами, ибо мы весьма часто не принимаемъ какой-либо истины только потому, что она противорѣчитъ другимъ нашимъ убѣжденіямъ, этому выводу собственно постороннимъ“.

IX.

Можно ли представить себѣ какого-либо русскаго интеллигента, не вѣрующаго въ прогрессъ? Это значило бы представить его себѣ совсѣмъ безъ головы. Сплошь и рядомъ подъ его черепомъ таится только одно это понятіе или, вѣрнѣе, только это слово, и больше ничего, хоть шаромъ покати. Какой же смыслъ обыкновенно придается этому слову?

Все идетъ впередъ, отъ хорошаго къ лучшему—и противъ этого ничего подѣлать нельзя. Все впередъ, безъ отдыха, безъ передышки,

безъ утомленія, — стихійно, неудержимо, — помимо и даже вопреки волѣ и сознанію людей, само собою. Нравы смягчаются, люди становятся лучше, умнѣе и добрѣе, наука каждый день дѣлаетъ шагъ впередъ и говоритъ свое послѣднее слово и все по одной дорогѣ, — ни шагу вправо, ни шагу влѣво, какъ по рельсамъ. И такъ всегда, до скончанія вѣковъ, послѣ очень фантастическаго и туманнаго золотого вѣка при вечерней зарѣ надъ догорающею нашею планетою.

Развѣ не таково обычное представленіе о прогрессѣ въ любой интеллигентной головѣ? И какая можетъ быть логика въ мышленіи человѣка, одержимаго этимъ безсмысленнымъ и безтолковымъ понятіемъ? Соотвѣтствуетъ ли что-нибудь въ дѣйствительности этому уродливому фрукту бозудержной мечтательности? Доказано ли, что при этомъ прогрессѣ люди дѣйствительно становятся умнѣе и добрѣе? По какимъ несомнѣннымъ и безспорнымъ признакамъ можно заключить, что это дѣйствительно движеніе впередъ, а не назадъ и не въ сторону? Чтобы судить объ этомъ, надо твердо и точно знать конечную цѣль движенія, а одно слово „впередъ" не только не отмѣчаетъ такой цѣли, но даже не указываетъ и направленія. Чѣмъ доказано, что линія прогресса есть прямая линія, кратчайшее разстояніе между точкою исхода и пока еще неизвѣстною цѣлью? И гдѣ собственно точка отправленія? Прогрессъ съ этими признаками понятіе очень юное и поэтому онъ долженъ былъ бы помнить, гдѣ стояла его колыбель. И почему именно теперь прогрессъ снялъ сапоги и сталъ босякомъ? И всегда ли сапоги будутъ служить помѣхою прогрессивному теченію мысли? И что, кромѣ сапоговъ, надо будетъ снять въ ближайшемъ будущемъ для ускоренія и поощренія прогресса?

Вѣрующіе въ прогрессъ на эти вопросы никакого отвѣта не даютъ, продолжая ожесточенно вѣровать до полнаго помраченія сознанія и полной утраты здраваго смысла. Это нѣчто самодовлѣющее, само по себѣ, въ себѣ и для себя существующее, ни въ чемъ не нуждающееся, ни отъ кого не зависящее, все въ себѣ объемлющее, — что-то вродѣ „абсолюта" у Гегеля. И въ одномъ этомъ словѣ вся философія, вся мораль, вся наука. Развѣ можно въ голову, загроможденную этимъ деревяннымъ чурбаномъ, этимъ размалеваннымъ фетишемъ, вбить хоть одну искру человѣческаго разумѣнія, одинъ лучъ сознательной критики? Какихъ плодовъ ждать отъ этой почвы, сплошь заросшей дикимъ бурьяномъ? Гдѣ та форма безумія, которая не привилась бы къ такой совершенно безоружной и совершенно безпомощной головѣ? Можно ли при такомъ понятіи о прогрессѣ поднимать рѣчь о логикѣ, о методѣ, о наукѣ, объ истинѣ, о культурѣ, о человѣчествѣ? Понятіе объ историческомъ процессѣ превра-

тилось въ какую-то непомѣрно-огромную метафизическую глыбу, подъ которую и вода не течетъ.

Люди съ такимъ понятіемъ о прогрессѣ,—и именно это пониманіе этого понятія нынѣ и считается послѣднимъ словомъ науки,—совершенно не существуютъ для мышленія; и первыхъ проблесковъ человѣческаго сознанія и членораздѣльной рѣчи отъ нихъ можно будетъ ждать только тогда, когда они выкинутъ изъ головы значительную часть этого метафизическаго балласта и попробуютъ заговорить, какъ люди этого міра. Это понятіе надо вдвинуть въ мѣры и нормы человѣческой дѣятельности и человѣческой мысли, удаливъ его изъ области чудеснаго, невозможнаго и непостижимаго.

Данилевскій призналъ права на существованіе иллюзіи о вѣчности и нескончаемости продуктовъ личнаго творчества у тѣхъ людей, которые выносили въ себѣ и создали эти продукты. Въ этомъ отношеніи онъ, конечно, вполнѣ правъ. Пусть будетъ такъ. Если безъ этой иллюзіи нельзя создать ничего великаго, благословимъ и возвеличимъ эту иллюзію. Но все же нельзя забывать, что это только иллюзія. Не будемъ забывать и того, что эта иллюзія сопровождаетъ процессъ созданія незрѣлыхъ и ничтожныхъ продуктовъ даже неумной головы. А вѣдь это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ умное творчество. Тогда со стороны эта иллюзія представляется въ высоко-комическомъ освѣщеніи. Надежды на нескончаемость существованія и вѣчность всякаго вздора, случайно вывалившагося изъ какой-нибудь дырявой головы,- только смѣшны.

Нельзя удержаться отъ улыбки и при томъ зрѣлищѣ, которое представляетъ изъ себя западъ, когда свои хищническіе и властолюбивые инстинкты возводитъ въ достоинство вѣчныхъ нормъ, вѣчной правды, вѣчныхъ законовъ мышленія и жизни. Это смѣшно, какъ всякое проявленіе нескромной заносчивости и опрометчиваго самохвальства.

Еще, конечно, смѣшнѣе вѣра нашей русской интеллигенціи въ безсмертіе и нескончаемость германо-романской культуры. Казалось бы, какъ сторонніе и лично незаинтересованные въ этомъ безсмертіи зрители, они могли бы не торопиться и спокойно подождать того момента, когда само время покажетъ, чья правда. Но на это ожиданіе они по своей экспансивности не способны. Въ безсмертіе и несмѣняемость германо-романской культуры они вѣрятъ больше англичанъ и нѣмцевъ. Въ этой наивной вѣрѣ столько угодливой ласкательности, столько торопливаго самоотреченія, что эта излишняя и въ сущности никому ненужная вѣра не можетъ не вызывать усмѣшки, какъ всякое слишкомъ грубое и низкопоклонное проявленіе рабскаго усердія. Слѣпая вѣра въ чужой умъ, дѣлая ненужнымъ и излишнимъ собственное мышленіе, представляетъ единственную

основу для легкомысленной вѣры въ прогрессъ человѣчества, т. е. народовъ германо-романскихъ.

Силу, гибкость и благородную независимость ума съ особымъ блескомъ проявилъ Данилевскій именно на тѣхъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ анализу и точному опредѣленію понятія о прогрессѣ. Всякій, кто пойметъ и усвоитъ себѣ его спокойные и неотразимо убѣдительные выводы, получаетъ полное право сказать: конецъ постыдному рабству, конецъ деспотическому господству насильственной германо-романской психологіи, безъ всякихъ правъ и только по безстыдству забравшейся на царственный тронъ науки. Всѣмъ есть дѣло въ мірѣ. Всѣмъ и каждому нужна своя голова. Никому не заказано имѣть свой умъ. Ни для кого не обязательно быть глупымъ по педантическимъ шаблонамъ германо-романской схоластики. Вѣра въ нѣмца перестаетъ быть господствующею религіею.

Такимъ языкомъ западная наука никогда не говорила. Въ ея формулахъ и теоремахъ всегда было много хитрости и лукавства Западъ много и краснорѣчиво говорилъ о научномъ безпристрастіи, о научной объективности, но его наука, страстный отголосокъ его гордаго и гнѣвнаго сердца, не была безпристрастною и объективною. Въ первый разъ въ словахъ Данилевскаго, по вопросамъ, сложившимся на почвѣ соперничества и вражды, господства и рабства, раздается честный голосъ, усваивающій каждому свое, свободный голосъ, не жертвующій низшимъ для высшаго, не окрашивающій цѣлаго въ краски одной его части.

Для дальнѣйшаго движенія и развитія русской обобщающей мысли въ высокой степени важно и многознаменательно то, что первые истолкователи русскаго самосознанія, Хомяковъ и Данилевскій, въ полнотѣ непоколебимой убѣжденности, съ пламенной мощью недвоящагося слова провозгласили святыя и благородныя начала международной честности и расовой свободы. Чтобы оправдать свои деспотическія притязанія на міровое господство, германороманскій міръ въ храмѣ науки выше всѣхъ поставилъ алтари обскурантизма и требовалъ такого же обскурантизма отъ народовъ всего міра, угрожая за непослушаніе смертью и насиліемъ, истребляя негровъ на плантаціяхъ, краснокожихъ въ Америкѣ, австралійцевъ въ Австраліи, роилловъ и много другихъ племенъ въ Индіи. Этотъ алтарь, воздвигнутый въ честь и славу единой, неистощимой, нескончаемой и безсмертной германо-романской культуры, залитъ драгоцѣнною кровью племенъ и народовъ. Основы пробуждающейся русской мысли обвѣяны духомъ справедливости и свободы.

X.

„Западъ и востокъ, Европа и Азія,—говоритъ Данилевскій,—представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Западъ, Европа составляютъ полюсъ прогресса, неустаннаго усовершенствованія, непрерывнаго движенія впередъ. Востокъ, Азія—полюсъ застоя и коснѣнія, столь ненавистныхъ современному человѣку. Это—историко-географическія аксіомы, въ которыхъ никто не сомнѣвается и всякаго русскаго правовѣрнаго послѣдователя современной науки дрожь пробираетъ при мысли о возможности быть причисленнымъ къ сферѣ застоя и коснѣнія. Ибо если не западъ, такъ востокъ; не Европа, такъ Азія. Средины тутъ нѣтъ, нѣтъ Европо-Азіи, Западо-Востока—и, еслибъ они и были, то среднее между-умочное положеніе также невыносимо. Всякая примѣсь застоя и коснѣнія—уже вредъ и гибель. Итакъ, какъ можно громче заявимъ, что нашъ край европейскій, европейскій, европейскій,—что прогрессъ намъ пуще жизни милъ, застой пуще смерти противенъ,—что нѣтъ спасенія внѣ прогрессивной, европейской, всечеловѣческой цивилизаціи,—что внѣ ея даже никакой цивилизаціи быть не можетъ, потому что внѣ ея нѣтъ прогресса. Утверждать противное,—зловредная ересь, обрекающая еретика, если не на сожженіе, то, во всякомъ случаѣ, на отлученіе отъ общества мыслящихъ, на высокомѣрное отъ него презрѣніе. И все это—совершеннѣйшій вздоръ, до того поверхностный, что даже опровергать совѣстно!“

Данилевскій указываетъ на высокую культуру Китая, которая свидѣтельствуетъ о многихъ вѣкахъ оживленной и энергичной умственной жизни.

„Наука и знаніе нигдѣ въ мірѣ не пользуются такимъ высокимъ уваженіемъ и вліяніемъ, какъ въ Китаѣ. Неужели же эта высокая степень гражданскаго, промышленнаго и въ нѣкоторомъ отношеніи даже научнаго развитія, которое во многомъ далеко оставляетъ за собою цивилизацію древнихъ грековъ и римлянъ, въ иномъ даже и теперь можетъ служить образцомъ для европейцевъ,—вышла во всеоружіи изъ головы перваго китайца, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а всѣ остальные четыре или пять тысячъ лѣтъ своего существованія этотъ народъ пережевывалъ старое и не подвигался впередъ? Не были ли эти успѣхи, добытые на крайнемъ востокѣ азіатскаго материка, такимъ же результатомъ постепенно накоплявшагося умственнаго и физическаго, самостоятельнаго и своеобразнаго труда поколѣній, какъ и на крайнемъ юго-западѣ, на европейскомъ полуостровѣ? И что же это такое, какъ не прогрессъ? Правда, что прогрессъ этотъ давно прекратился,—что даже многія прекрасныя

черты китайской гражданственности (какъ, напримѣръ, вліяніе, предоставляемое наукѣ и знанію) обратились въ пустой формализмъ,—что духъ жизни отлетѣлъ отъ Китая,—что онъ замираетъ подъ тяжестью прожитыхъ имъ вѣковъ. Но развѣ это не общая судьба всего человѣчества? И развѣ одинъ только востокъ представляетъ подобнаго рода явленія? Не въ числѣ ли прогрессивныхъ, западныхъ, какъ говорятъ, европейскихъ народовъ считаются древніе греки и римляне? И, однако-же, не совершенно ли то же явленіе, что и Китай, представляла греческая Византійская имперія? Слишкомъ тысячу лѣтъ прожила она послѣ отдѣленія отъ своей римской западной сестры. Какимъ же прогрессомъ ознаменовалась ея жизнь послѣ послѣдняго великаго дѣла эллинскаго народа—утвержденія православной христіанской догматики?

„Народу одряхлѣвшему, отжившему, свое дѣло сдѣлавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможетъ, совершенно независимо отъ того, гдѣ онъ живетъ, на востокѣ или на западѣ. Всему живущему, какъ отдѣльному недѣлимому, такъ и цѣлымъ видамъ, родамъ, отрядамъ животныхъ или растеній, дается извѣстная только сумма жизни, съ истощеніемъ которой они должны умереть. Геологія и палеонтологія показываютъ, какъ для разныхъ видовъ, родовъ, отрядовъ живыхъ существъ было время зарожденія, наивысшаго развитія, постепеннаго уменьшенія и, наконецъ совершеннаго исчезновенія. Какъ и почему это такъ дѣлается,—никто не знаетъ, хотя и стараются объяснять на разные лады. Въ сущности же это старѣніе, одряхлѣніе цѣлыхъ видовъ, родовъ и даже отрядовъ—не болѣе удивительно, чѣмъ смерть отдѣльныхъ индивидуумовъ, настоящей причины которой никто не знаетъ и не понимаетъ. Исторія говоритъ то же самое о народахъ. И они нарождаются, достигаютъ различныхъ степеней развитія, старѣютъ, дряхлѣютъ, умираютъ—и умираютъ не отъ внѣшнихъ только причинъ. Внѣшнія причины, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, по большей части только ускоряютъ смерть больного и разслабленнаго тѣла, которое въ состояніи крѣпости силъ, въ пору юношества или мужества, очень хорошо перенесло бы ихъ вредоносное вліяніе. Внѣшнія причины помогаютъ также разложенію послѣ смерти—какъ растительныхъ и животныхъ, такъ и политическихъ организмовъ. Но иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ,—потому ли, что вредоносныя внѣшнія вліянія дѣйствуютъ слабо, или организмъ успѣшно имъ противится,—умираетъ онъ тѣмъ, что называется естественною смертью или старческой немочью.

„Китай представляетъ именно такой рѣдкій случай. Тѣло столь однородно и плотно, такъ разрослось въ тиши и уединеніи, что скопило огромную силу противодѣйствія, какъ тѣ старики, про кото-

рыхъ говорятъ, что они чужой вѣкъ заживаютъ, что смерть ихъ забыла. Живая, свѣжая дѣятельность давно заснула въ нихъ, но животная жизненность или, скорѣе, растительная прозябаемость— осталась. Что же удивительнаго, что въ такихъ организмахъ остылъ огонь юности, изсякла сила прогресса? И что даетъ право предполагать, что съ ними всегда было такъ, вопреки очевидному свидѣтельству результатовъ трудовъ, нѣкогда совершенныхъ старцами! Въ такомъ же дряхлѣющемъ состояніи находится теперь и Индія, находились долгое время Египетъ и Византія, прежде чѣмъ иноземныя вторженія и вообще внѣшнія вліянія ихъ доконали и разложили самыя составныя части ихъ умершаго тѣла. Эти страны находились болѣе или менѣе на перепутьи народовъ, да и не составляли такихъ огромныхъ, плотныхъ, компактныхъ массъ, какъ Китай, и потому процессъ совершался скорѣе и мѣсто одряхлѣвшаго занималъ новый свѣжій народъ. Только эта преемственность замѣщенія однихъ племенъ другими придаетъ исторіи болѣе прогрессивный видъ на западѣ, чѣмъ на востокѣ, а не какое-либо особенное свойство духа, которое давало бы западнымъ народамъ монополію историческаго движенія. Прогрессъ, слѣдовательно, не составляетъ исключительной привиллегіи запада или Европы, а застой—исключительнаго клейма востока или Азіи. Тотъ и другой суть только характеристическіе признаки того возраста, въ которомъ находится народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, гдѣ бы ни развивалась его гражданственность, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ. Слѣдовательно, если бы и въ самомъ дѣлѣ Азія и Европа, востокъ и западъ, составляли самостоятельныя, рѣзко опредѣленныя цѣлыя, то и тогда принадлежность къ востоку и Азіи не могла бы считаться какою-то печатью отверженія“.

XI.

Что же такое, наконецъ, этотъ прогрессъ, священный палладіумъ Европы, альфа и омега современнаго мышленія, ключъ къ современнымъ таинствамъ натуры и исторіи?

Это понятіе сложилось и могло сложиться только на почвѣ философіи исторіи, на почвѣ исторической научности. Но и къ исторіи германо-романскій міръ относится точно такъ же, какъ къ географіи. Если изъ Европы западъ сдѣлалъ пятую часть свѣта, то въ исторіи онъ взялъ подъ себя двѣ части (среднюю и новую), а всему остальному человѣчеству снисходительно удѣлилъ только одну часть (древнюю), въ полномъ убѣжденіи, что и этого ему за глаза хватитъ, ибо въ міровой исторіи сокъ достопримѣчательнаго, лучшій

вѣнецъ созданія именно онъ, германо-романскій міръ. Вся остальная исторія неинтересный и безтолковый вздоръ, не упорядоченный прогрессомъ въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. конституціею и борьбою классовъ.

Очевидно, что и въ исторіи мнимая научность создается исключительно на психологической почвѣ и подгоняетъ факты въ нужныя группы бичемъ насильственной и деспотической теоріи. Дѣйствительно научной исторіи, открывшей законы общественной и государственной жизни народовъ, еще нѣтъ, а то, что теперь иногда называется этимъ именемъ, дѣло барскаго каприза и произвола.

Выводы Данилевскаго по суммѣ вопросовъ, связанныхъ съ понятіемъ о прогрессѣ, просты и стоятъ на строго фактической почвѣ.

„Степень совершенства, достигнутаго какою-либо наукою,—говоритъ онъ,—степень пониманія входящихъ въ кругъ ея предметовъ или явленій въ точности отражается въ томъ, что называется системою науки. Подъ системою разумѣю я здѣсь вовсе не систему изложенія, которая есть не болѣе, какъ мнемоническое средство, дабы лучше запечатлѣть въ памяти факты науки или яснѣе представить ихъ уму. Систематика, понимаемая въ этомъ смыслѣ, весьма справедливо не пользуется большимъ уваженіемъ въ настоящее время, потому что весьма часто употреблялась во зло, и своими безконечными дѣленіями и подраздѣленіями часто только затрудняла дѣло, будучи большею частью остаткомъ схоластическаго педантизма. Эта система—не болѣе, какъ лѣса научнаго зданія, безъ которыхъ хотя и нельзя обойтись, но которыя должны бы ограничиться дѣйствительно необходимымъ, дабы не заслонять собою линій самого зданія. Я говорю о внутренней системѣ наукъ, т. е. о расположеніи, группировкѣ предметовъ или явленій, принадлежащихъ къ кругу извѣстной науки, сообразно ихъ взаимному сродству и дѣйствительнымъ отношеніямъ другъ къ другу“.

Путемъ блестящаго анализа исторіи астрономіи съ одной стороны, ботаники и зоологіи съ другой Данилевскій выясняетъ, что онъ собственно понимаетъ подъ естественной системой науки.

„Какъ бы частности ни были хорошо изслѣдованы, какъ бы хорошо ни были разъяснены отдѣльные вопросы науки, но, пока факты не сопоставлены соотвѣтственно ихъ естественному сродству, не приведены въ естественную систему, они не дадутъ правильныхъ выводовъ, не выкажутъ своего настоящаго, полнаго смысла“.

„Если мы въ правѣ считать систему науки за сокращеніе самой науки,—сокращеніе, въ которомъ выражается существенное ея содержаніе и отражается степень ея совершенства,—если отъ этой системы зависитъ тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ всѣ ея факты, то посмотримъ, насколько удовлетворяетъ система исторіи основнымъ

требованіямъ естественной системы. Поименую сначала эти требованія, которыя, какъ само собою разумѣется, должны быть требованіями здравой логики.

1. Принципъ дѣленія долженъ обнимать собою всю сферу дѣлимаго, входя въ него, какъ наисущественнѣйшій признакъ.

2. Всѣ предметы или явленія одной группы должны имѣть между собою бо́льшую степень сходства или сродства, чѣмъ съ явленіями или съ предметами, отнесенными къ другой группѣ.

3. Группы должны быть однородны, т. е. степень сродства, соединяющая ихъ члены, должна быть одинакова въ одноименныхъ группахъ".

XII.

Исторію дѣлятъ на древнюю, среднюю и новую исторію.

„Насколько удовлетворяетъ это дѣленіе вышеизложеннымъ требованіямъ естественной системы?

„Основаніемъ отдѣленія древней исторіи отъ средней и новой принято паденіе Западной Римской имперіи. Въ новѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ, конечно, дѣло не представляется уже такъ, что съ 476 годомъ на исторической сценѣ упалъ занавѣсъ, вслѣдъ зачѣмъ имѣетъ начаться новая пьеса. Но самая сущность мало выигрываетъ отъ этого улучшенія въ изложеніи. Какъ бы медленно и постепенно занавѣсъ ни опускался и какъ бы, по мѣрѣ этого опусканія, ни вплеталась новая пьеса своею интригою въ старую, вопросъ—въ томъ: достаточно ли великъ занавѣсъ, чтобы перегородить собою всю сцену, и можно ли найти какой-либо другой, который былъ бы для этого достаточно великъ? Какое дѣло Китаю, какое дѣло Индіи до паденія Западной Римской имперіи? Даже для сосѣднихъ за-евфратскихъ странъ,—не гораздо ли важнѣе было паденіе Пароянскаго и возникновеніе Сассанидскаго царства, чѣмъ паденіе западной Римской имперіи? Пала ли бы или не пала эта имперія, не одинаково ли бы произошелъ имѣвшій такія огромныя послѣдствія религіозный переворотъ въ Аравіи? Главное же,—почему паденіе этой имперіи соединило въ одну группу явленій (противоположную другой группѣ) судьбы древняго Египта и Греціи; уже и безъ того отжившихъ, съ судьбами Индіи и Китая, продолжавшихъ себѣ жить, какъ если бы Рима вовсе и на свѣтѣ не было? Однимъ словомъ, составляетъ ли паденіе Римской имперіи, какъ оно ни многозначительно само по себѣ, такой принципъ дѣленія, который обнималъ бы собою всю сферу дѣлимаго? Отвѣтъ будетъ, по необходимости, отрицательный.

„Не менѣе очевидно, что это происходитъ не отъ того, что прин-

ципъ бытъ дурно выбранъ (выбранъ былъ наивозможно лучшій), но отъ того, что вообще нѣтъ такого событія, которое бы могло раздѣлять судьбу всего человѣчества на какіе бы то ни было отдѣлы, ибо до сихъ поръ, собственно говоря, еще не было ни одного одновременнаго общечеловѣческаго событія, да вѣроятно никогда и не будетъ. Даже и само христіанство,—явленіе, имѣвшее до сихъ поръ самое огромное вліяніе на судьбы человѣчества и которое должно со временемъ обнять его вполнѣ,—становится историческою гранью судебъ каждаго народа въ различное время. Если принять христіанство за главную историческую грань, то исторія Рима, имѣющая своимъ предметомъ жизнь одного и того же народа, была бы расколота на двѣ части, между тѣмъ, какъ вторая есть очевидно дальнѣйшее развитіе первой,—ея результатъ, который не могъ бы даже быть существеннымъ образомъ измѣненъ внесеніемъ въ римскую жизнь христіанской идеи, уже не могшей возбудить изжившіяся начала ея".

Такова пресловутая „объективность" западной науки!. Когда германо-романскій міръ будетъ умирать,—а вѣдь и онъ умретъ, ибо на нашей планеты вѣчной жизни нѣтъ,—онъ все будетъ твердить, что Европа въ географіи пятая часть свѣта и что исторія Европы наполняетъ собою двѣ трети всеобщей исторіи. Искусно и властно пользуясь принципомъ мнимой законности и возвышенности подчиненія низшаго высшему, Европа считаетъ послѣднимъ словомъ науки, что солнце свѣтитъ преимущественно для германо-романскихъ народовъ, что географія сохранила для нея самое почетное мѣсто, что исторія велика и прекрасна только ея дѣятельностью. Ходъ исторической жизни вытянутъ въ одну ниточку, повышенія и пониженія которой подчинены строгому контролю европейскихъ интересовъ,—все разставлено по ранжиру, всему дана сравнительная расцѣнка, вездѣ ярлыки съ надписями „лучше" или „хуже" соотвѣтственно вкусамъ и аппетитамъ европейскаго запада.

XIII.

„Не лучше выполнено и второе требованіе, чтобы явленія одной группы имѣли между собою болѣе сродства, чѣмъ съ явленіями отнесенными къ другой группѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ исторія Греціи и Рима имѣетъ болѣе аналогіи и связи съ исторіей Египта и даже съ исторіей Индіи и Китая, чѣмъ съ исторіей новѣйшей Европы? Весьма позволительно въ этомъ усумниться.

„Но вся невѣрность, вся уродливость системы всемірной исторіи открывается самымъ рѣшительнымъ образомъ по отношенію къ

третьему требованію: чтобы степень сродства была одинакова въ одноименныхъ группахъ, т. е. въ группахъ того же порядка. Между тѣмъ, какъ въ группѣ древней исторіи соединены Египетъ, Индія, Китай, Вавилонъ и Ассирія, Иранъ, Греція, Римъ, которые всѣ проходили черезъ различныя ступени развитія,—мы видимъ, что ступени развитія одного и того же племени германо-романскаго отнесены въ различныя группы, — въ такъ называемую среднюю и новую исторію, которыя очевидно представляютъ одну и ту же группу явленій, ибо новая исторія есть или только развитіе заложеннаго въ средніе вѣка, или его отрицаніе и отверженіе, совершаемое въ той же самой средѣ, такъ что много было историческихъ дѣятелей, которые, начавъ свою дѣятельность въ средней исторіи, заканчивали ее въ новой.

„Между тѣмъ, какъ не только Катонъ и императоръ Константинъ, Периклъ и Θеодосій Великій, но даже императоръ Фоги, фараонъ Рамзесъ и царь Соломонъ соединены въ одну группу съ Эпаминондомъ и Гракхами,—мы видимъ, что какой-нибудь Рудольфъ Габсбургскій—съ императоромъ Максиміліаномъ, Филиппъ Красивый—съ Людвигомъ XI и Ришелье и даже султанъ Баязидъ—съ султаномъ Солиманомъ, которые дѣлали одно и то же дѣло, тѣмъ же плугомъ ту же бороздку проводили, разнесены въ разные вѣка исторіи, такъ сказать въ разные возрасты человѣчества. Не совершенно ли это то же самое, что соединять ворону съ устрицей, потому что ни у той, ни у другой четырехъ ногъ нѣтъ?“

А сколько остроумія, учености, вдумчивости было потрачено на то, чтобы установить и поддерживать эту убогую систему! Сколько слезъ было пролито, сколько единицъ было получено гимназистами европейскихъ и неевропейскихъ странъ только изъ-за того, что Европѣ угодно было растянуть свою исторію для пущей важности на два міровыхъ періода! Что Солиманы и Рамзесы? Они выѣденнаго яйца не стоятъ передъ генералами и министрами Европы!

„Поводомъ или ближайшею причиною такой ни съ чѣмъ несообразной группировкѣ явленій была, очевидно, ошибка перспективы. Различія, замѣчаемыя въ характерѣ событій среднихъ и новыхъ вѣковъ, должны были показаться столь важными и существенными для историковъ, къ которымъ они были ближе (и по времени, и потому, что совершались въ средѣ того же племени, къ которому принадлежали эти историки), что все остальное человѣчество и всѣ предшествовавшіе вѣка представлялись имъ какъ бы на заднемъ планѣ ландшафта, гдѣ всѣ отдѣльныя черты сглаживаются, и онъ служитъ только фономъ для первыхъ плановъ картины. Но не кажущееся и видимость, а сущность и дѣйствительность составляютъ дѣло науки. Этотъ перспективный взглядъ на исторію произвелъ

ту ошибку, что вся совокупность фазисовъ совершенно своеобразнаго развитія нѣсколькихъ одновременно и даже послѣдовательно жившихъ племенъ, названная древнею исторіею, была поставлена на ряду, на одну ступень съ каждымъ изъ двухъ фазисовъ развитія одного только племени, какъ бы третій первоначальный фазисъ развитія этого племени. Короче сказать, судьбы Европы или германо-романскаго племени были отожествлены съ судьбами всего человѣчества. Немудрено, что изъ этого нарушенія правилъ естественной системы вышло совершенное искаженіе пропорцій историческаго зданія, что линіи его потеряли всякую соразмѣрность и гармонію".

„Америка — для американцевъ" — извѣстный девизъ Монроэ. „Исторія и географія—для Европы",—говорятъ западные ученые, предъявляя права исключительной собственности на общее достояніе.

„Собственно говоря, и Римъ, и Греція, и Индія, и Египетъ, и всѣ историческія племена имѣли свою древнюю, свою среднюю и новую исторію, т. е., какъ все органическое, имѣли свои фазисы развитія, хотя, конечно, нѣтъ никакой надобности, чтобы ихъ насчитывалось непремѣнно три—ни болѣе, ни менѣе. Какъ въ развитіи человѣка можно различать три возраста (несовершеннолѣтіе, совершеннолѣтіе и старость,—дѣленіе, принимаемое, напримѣръ, для нѣкоторыхъ гражданскихъ цѣлей), или четыре (дѣтство, юность, возмужалость, старость), или даже семь (младенчество, отрочество, юность, молодость или первая пора зрѣлости, возмужалость, старость и дряхлость),—такъ же точно можно отличать и различное число періодовъ развитія въ жизни историческихъ племенъ, что будетъ зависѣть отчасти отъ взгляда историка, отчасти же онъ самаго характера ихъ развитія, могущаго подвергаться болѣе или менѣе частымъ перемѣнамъ. Такъ и исторія Европы имѣетъ настоящую свою собственную, не основанную на перспективномъ обманѣ, древнюю исторію,—во временахъ, предшествовавшихъ Карлу Великому, когда выдѣлялись и образовывались изъ нестройнаго хаоса, послѣдовавшаго за переселеніемъ народовъ, новыя народности и государства, представлявшія пока только зародышъ тѣхъ началъ, разработка и развитіе которыхъ составитъ главное содержаніе среднихъ, отрицаніе же и отверженіе содержаніе новыхъ вѣковъ".

„Перспективный обманъ составляетъ только ближайшую причину или только поводъ, заставившій прійти къ невѣрной группировкѣ, а, слѣдовательно, и къ невѣрному пониманію историческихъ явленій. Самая же невѣрность этой группировки, этого невѣрнаго пониманія, къ которому перспективная ошибка только привела, заключается въ совершенно иномъ, несравненно болѣе важномъ и существенномъ".

XIV.

Чтобы объяснить свою мысль, Данилевскій ссылается на историческій опытъ ботаники и зоологіи, который дѣйствительно имѣетъ огромное значеніе въ методологическомъ отношеніи.

„Сознательная естественная система началась собственно въ ботаникѣ. Группы растеній той степени сродства, которую принято называть семействами, были уже довольно хорошо и вѣрно очерчены младшимъ Жюсье, но расположеніе самыхъ семействъ оставалось, однако же, и затѣмъ совершенно искусственнымъ,—главнѣйше оттого, что тогда представляли себѣ формы растительнаго царства расположенными въ видѣ лѣстницы постепеннаго развитія и совершенствованія, отыскивали какой-нибудь одинъ или немногіе признаки, которые служили бы мѣриломъ этого совершенства, и сообразно его измѣненіямъ располагали семейства въ линейномъ порядкѣ, подрывая этимъ основное начало естественной системы, состоящее въ возможно всестороннемъ изученіи и оцѣнкѣ совокупности признаковъ. Начатое ботаникою довершила зоологія, когда Кювье, основываясь на изученіи низшихъ животныхъ, геніальнымъ взглядомъ отличилъ такъ названные имъ „типы“ организаціи. Эти типы не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго совершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархически подчиненныя одна другой), а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразнымъ путемъ достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ, — планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно можно бы было проводить между существами разныхъ типовъ сравненія для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя“.

Вотъ живое и здоровое зерно той счастливой и прочно обоснованной мысли, которая составляетъ лучшую заслугу Данилевскаго, какъ мыслителя. Это кипучій и искрящійся источникъ Ипокрены, который вдругъ забилъ подъ ударомъ копыта Пегаса. Здѣсь первыя сѣмена тѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ о разнообразіи племенныхъ типовъ, о самобытности разнообразныхъ культуръ, о сущности и смыслѣ прогресса, о судьбахъ и цѣляхъ человѣчества. Не забудемъ, что источникомъ новаго міровоззрѣнія было методологическое правило возможно всесторонняго изученія и оцѣнки всѣхъ признаковъ данной группы явленій, что недостижимо при насильственномъ соподчиненіи семействъ, видовъ и родовъ по принципу мнимаго и произвольнаго совершенства. Это и въ умозрительномъ, и въ нравственномъ отношеніи — совершенно другое отношеніе къ природѣ, къ народамъ, къ исторіи, къ человѣчеству и къ Богу. Западъ зналъ

этотъ выводъ, какъ выводъ научный, но онъ не принялъ его въ свою философію, потому что онъ противорѣчилъ всему духовному строю, всей психологіи германо-романскихъ народовъ. Вооружившись сомнительнымъ правомъ на глазомѣръ и личный вкусъ опредѣлять степени и оттѣнки совершенства, онъ ввелъ въ свою философію принципъ борьбы,—борьбы за существованіе, классовой борьбы — принципъ побѣды и одолѣнія, господства и эксплуатаціи. Единовластитель по натурѣ, онъ искалъ монизма въ мышленіи и наукѣ и не зналъ отдыха до тѣхъ поръ, пока всѣмъ и каждому не опредѣлилъ свое начальство, тоже подчиненное строгой субординаціи.

Безъ различенія *степеней* развитія отъ *типовъ* развитія—естественная система невозможна ни въ зоологіи, ни въ ботаникѣ, — невозможна и естественная группировка историческихъ явленій.

„Отсутствіе этого различенія и составляетъ тотъ коренной недостатокъ исторической системы, о которомъ только что было говорено. Дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, хотя бы и съ прибавленіемъ древнѣйшей и новѣйшей,—не исчерпываетъ всего богатаго содержанія ея. Форма исторической жизни человѣчества, какъ форма растительнаго и животнаго міра, какъ форма человѣческаго искусства (стили архитектуры, школы живописи), какъ проявленія самаго духа, стремящагося осуществить типы добра, истины красоты (которые вполнѣ самостоятельны и не могутъ же почитаться одинъ развитіемъ другого), не только измѣняются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческимъ типамъ. Поэтому, собственно говоря, только внутри одного и того же типа или, какъ говорится, цивилизаціи,—и можно отличать тѣ формы историческаго движеніе, которыя обозначаются словами: древняя, средняя и новая исторіи. Это дѣленіе есть только подчиненное, главное же должно состоять въ отличеніи культурно-историческихъ типовъ, такъ сказать, самостоятельныхъ, своеобразныхъ плановъ религіознаго, соціальнаго, бытового, промышленнаго, политическаго, научнаго, художественнаго, однимъ словомъ, историческаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ великомъ вліяніи Рима на образовавшіяся на развалинахъ его романо-германскія и чисто-германскія государства, развѣ исторія Европы есть дальнѣйшее развитіе начала исчезнувшаго римскаго міра?“

„Во всѣхъ отношеніяхъ основы римской жизни завершили кругъ своего развитія, дали всѣ результаты, къ которымъ были способны и, наконецъ, изжились,—развиваться далѣе было нечему. Пришлось идти вовсе не оттуда, гдѣ остановился Римъ,—по своему пути онъ дошелъ уже до предѣла, его же не прейдеши. И чтобъ было куда идти, надо было начать съ новой точки отправленія и идти въ другую сторону, въ которую, какъ оказалось, открытое пространство

*

было обширнѣе, — но и это, разумѣется, не безконечно; и этому шествію будетъ предѣлъ, его же не прейдеши. Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ. Кому суждено будетъ вновь идти, тотъ также долженъ будетъ отправляться съ иной точки и идти въ другую сторону. Прогрессъ состоитъ не въ томъ, чтобы все идти въ одномъ направленіи, а въ томъ, чтобы все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, исходить въ разныхъ направленіяхъ, ибо доселѣ онъ такимъ именно образомъ проявлялся".

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ,—

могутъ сказать вмѣстѣ съ Фетомъ поклонники прогресса въ европейскомъ просвѣщеніи. Прогрессъ только ростъ отдѣльныхъ народовъ въ ихъ исторической смѣнѣ? О томъ ли мы мечтали? Не казалось ли намъ, что подхваченные стихійною волною прогресса, мы на крыльяхъ вихря унеслись отъ скучной исторіи, отъ будничной земли, отъ сѣрой жизни, нынѣ представляемъ изъ себя новую породу людей и ждемъ, когда для насъ откроется „небо ново"? Неужели мы не открыли секрета безсмертія, неужели мы не боги или, по крайней мѣрѣ, не сверхъ-человѣки, которыхъ ждетъ не заурядная для смертныхъ судьба? Развѣ намъ не помогутъ созданныя нами доктрины и теоріи, наша вѣра въ то, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ, что намъ и нашимъ ближайшимъ потомкамъ суждено осуществить царствіе Божіе на землѣ, пустить для всего чевовѣчества,—непремѣнно для всего!—молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Весь тотъ „идейный" вздоръ, у котораго единственнымъ основаніемъ было нелѣпое, безтолковое и даже безсмысленное пониманіе слова „прогрессъ", лопается, какъ мыльный пузырь, при словахъ этой трезвой и спокойной правды. „Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ". Спорить противъ того, что такъ всегда было, нельзя: именно такъ было. Такъ ли всегда и будетъ? Съ этимъ, конечно, новая порода людей изъ интеллигентныхъ сверхъ-человѣковъ и сверхъ-босяковъ пожелаетъ спорить. Но удачи въ спорѣ она имѣть не будетъ, ибо для этого надо будетъ показать, когда, какъ и почему измѣнились законы исторической жизни и историческаго развитія.

XV.

„Подчиненіе въ исторической системѣ степеней развитія типамъ развитія имѣетъ то преимущество, что избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ помощи ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ о той

точкѣ пути, на которой въ тотъ или въ другой моментъ находилось человѣчество. Разсматривая исторію отдѣльнаго культурнаго типа, если циклъ его развитія вполнѣ принадлежитъ прошедшему, мы точно и безошибочно можемъ опредѣлить возрастъ этого развитія,—можемъ сказать: здѣсь оканчивается его дѣтство, его юность, его зрѣлый возрастъ; здѣсь начинается его старость, здѣсь его дряхлость,—или, что тоже самое, раздѣлить его исторію на древнѣйшую, древнюю, среднюю, новую, новѣйшую и т. д. Мы можемъ сдѣлать это съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, при помощи аналогіи, даже и для такихъ культурныхъ типовъ, которые еще не кончили своего поприща.

„Но что можно сказать о ходѣ развитія человѣчества вообще и какъ опредѣлить возрастъ всемірной исторіи? На какомъ основаніи отнести жизнь такихъ-то народовъ, такую-то группу историческихъ явленій—къ древней, средней или новой исторіи, т. е. къ дѣтству, юношеству, возмужалости или старости человѣчества? Не обращаются ли термины: древняя, средняя и новая исторія (хотя бы и правильнѣе употребленные, чѣмъ это теперь дѣлается) въ слова безъ значенія и смысла, если ихъ примѣнять не къ исторіи отдѣльныхъ цивилизацій, а къ исторіи всемірной? Въ этомъ отношеніи историки находятся въ такомъ же положеніи, какъ и астрономы. Эти послѣдніе могутъ опредѣлить со всею желаемою точностью орбиты планетъ, которыя во всѣхъ точкахъ подлежатъ ихъ изслѣдованіямъ, — могутъ даже приблизительно опредѣлить пути кометъ, которыя подлежатъ ихъ изслѣдованіямъ только въ нѣкоторой ихъ части,—но что они могутъ сказать о движеніи всей солнечной системы, кромѣ того развѣ, что и она движется и кромѣ нѣкоторыхъ догадокъ о направленіи этого движенія? Итакъ, естественная система исторіи должна заключаться въ изученіи культурно-историческихъ типовъ развитія, какъ главнаго основанія ея дѣленій, и степеней развитія, по которымъ только эти типы (а не совокупность историческихъ явленій) могутъ подраздѣляться".

Самобытныхъ цивилизацій или культурно-историческихъ типовъ, по Данилевскому, десять.

Это типы: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилоно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или аравійскій и 10) германо-романскій или европейскій.

„Къ нимъ можно еще, пожалуй, причислить два американскіе типа: мексиканскій и перуанскій, погибшіе насильственною смертью и не успѣвшіе совершить своего развитія. Только народы, составляющіе эти культурно-историческіе типы, были положительными дѣятелями въ исторіи человѣчества. Каждый развивалъ самостоятельнымъ путемъ начало, заключавшееся какъ въ особенностяхъ

его духовной природы, такъ и въ особенныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ, — и этимъ вносилъ самъ вкладъ въ общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы уединенные отъ типовъ или цивилизацій преемственныхъ, плоды дѣятельности которыхъ передавались отъ одного къ другому, какъ матеріалы для питанія, или какъ удобреніе (т. е. обогащеніе разными усвояемыми, ассимилируемыми веществами) той почвы, на которой долженъ былъ развиваться послѣдующій типъ. Таковыми преемственными типами были: египетскій, ассирійско-вавилоно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и германо-романскій или европейскій.

„Такъ какъ ни одинъ изъ культурно-историческихъ типовъ не одаренъ привиллегіей безконечнаго прогресса и такъ какъ каждый народъ изживается,—то понятно, что результаты, достигнутые послѣдовательными трудами этихъ пяти или шести цивилизацій, своевременно смѣнявшихъ одна другую и получившихъ къ тому же сверхъестественный даръ христіанства, должны были далеко превзойти уединенныя цивилизаціи, каковы индійская и китайская, хотя бы эти послѣднія равнялись всѣмъ имъ продолжительностью жизни. Вотъ, кажется мнѣ, самое простое и естественное объясненіе западнаго прогресса и восточнаго застоя. Однако же и эти уединенные культурно-историческіе типы развивали такія стороны жизни, которыя не были въ той же мѣрѣ свойственны ихъ болѣе счастливымъ соперникамъ, и тѣмъ содѣйствовали многосторонности проявленій человѣческаго духа, въ чемъ собственно и заключается прогрессъ“.

XVI.

„Но и эти культурно-историческіе типы, которые мы назвали положительными дѣятелями въ исторіи человѣчества не исчерпываютъ еще всего круга ея явленій. Какъ въ солнечной системѣ наряду съ планетами есть еще и кометы, появляющіяся время отъ времени и потомъ на многіе вѣка исчезающія въ безднахъ пространства,—и есть космическая матерія, обнаруживающаяся намъ въ видѣ падучихъ звѣздъ, аэролитовъ и зодіакальнаго свѣта,—такъ и въ мірѣ человѣчества, кромѣ положительно-дѣятельныхъ культурно-историческихъ типовъ или самобытныхъ цивилизацій, есть еще временно появляющіеся феномены, смущающіе современниковъ, какъ гунны, монголы, турки, которые, совершивъ свой разрушительный подвигъ, помогши испустить духъ борющимся со смертью цивилизаціямъ и разнеся ихъ остатки, скрываются въ прежнее ничтожество. Назовемъ ихъ отрицательными дѣятелями человѣчества.

„Иногда впрочемъ и зиждительная, и разрушительная роль достается тому же племени, какъ это было съ германцами и аравитянами. Наконецъ, есть племена, которымъ (потому ли, что самобытность ихъ прекращается въ чрезвычайно ранній періодъ ихъ развитія, или по другимъ причинамъ) не суждено ни зиждительнаго, ни разрушительнаго величія,—ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляютъ лишь этнографическій матеріалъ, т. е. какъ бы неорганическое вещество, входящее въ составъ историческихъ организмовъ, культурно-историческихъ типовъ. Они, безъ сомнѣнія, увеличиваютъ собою разнообразіе и богатство ихъ, но сами не достигаютъ до исторической индивидуальности. Таковы племена финскія и многія другія, имѣющія еще меньше значенія.

„Иногда нисходятъ на эту ступень этнографическаго матеріала умершіе и разложившіеся культурно-историческіе типы, въ ожиданіи пока новый формаціонный (образовательный) принципъ опять не соединитъ ихъ, въ смѣси съ другими элементами, въ новый историческій организмъ, — не воззоветъ къ самостоятельной исторической жизни, въ формѣ новаго культурно-историческаго типа. Такъ случилось, напримѣръ, съ народами, составлявшими западную Римскую имперію, которые, и въ своей новой формѣ, подвергшись германскому образовательному принципу, носятъ названіе романскихъ народовъ.

„Итакъ, или положительная дѣятельность самобытнаго культурно-историческаго типа, или разрушительная дѣятельность такъ называемыхъ бичей Божіихъ, предающихъ смерти дряхлыя (томящіяся въ агоніи) цивилизаціи, или служеніе чужимъ цѣлямъ въ качествѣ этнографическаго матеріала—вотъ три роли, которыя могутъ выпасть на долю народа".

XVII.

Вотъ рядъ положеній и выводовъ, которые могли бы произвести полный переворотъ во всемъ составѣ современнаго мышленія, если бы представители современной интеллигенціи, утратившей подъ оглушительный грохотъ двоящихся словъ всѣ инстинкты логичности и научности, попробовала поискать для себя реальной почвы. Какъ тотъ мужикъ изъ побасенки, который искалъ топора, когда топоръ былъ у него за поясомъ, люди, утомившіеся въ безплодной погонѣ за мечтательными теоріями и произвольными доктринами, въ доводахъ и выводахъ Данилевскаго найдутъ если не готовое, стройное и вполнѣ законченное міровоззрѣніе, то такія незыблемые устои для спокойной и трезвой мысли, которые какъ рукой снимутъ съ ихъ глазъ заскорузлую пленку западническаго обскурантизма.

Та сантиментальность, та истерическая тревожность, которыя отнимаютъ умъ и здравый смыслъ у нашей интеллигенціи при обсужденіи дѣлъ международныхъ или племенныхъ вообще,—та взвинченность нервовъ и безъисходное безуміе сужденій, которыя составляютъ у насъ обычное явленіе при столкновеніи тѣхъ или иныхъ интересовъ различныхъ племенъ и народовъ въ предѣлахъ государственности и общественныхъ отношеній,—какъ горячечный бредъ, отойдутъ отъ больнаго, когда онъ, ощупавъ себя руками, увидитъ, что онъ человѣкъ живой и прочный, а не бѣсовское навожденіе, не туманное привидѣніе изъ міра метафизическихъ и софистическихъ тѣней.

Все просто, ясно,—все спокойно стоитъ на своемъ мѣстѣ, ждетъ своей очереди и судьбы,—всему своя мѣра и своя цѣна, свое мѣсто и своя дорога,—стихійная эволюція не вертится, какъ неугомонная юла,—прогрессъ не спотыкается, ринувшись, сломя голову, невѣдомо куда впередъ,—часть не тщится пожрать съ головою цѣлое,—мнимо-низшее не приносится въ жертву мнимо-высшему, какъ новому Молоху.

Торопиться некуда,—можно спокойно ждать и думать.

„Мы переживаемъ кризисъ",—каждый день и каждый часъ говорятъ наши интеллигенты. И этимъ кризисомъ прикрывается всякое безуміе, всякая торопливость и непослѣдовательность въ выводахъ, всякій сумбуръ теорій и доктринъ. При кризисѣ не до ума и не до логики. Валяй во всю—и кончено. По пословицѣ, на чужой сторонѣ и жукъ мясо. При кризисѣ Горькіе и Розановы, Милюковы и Трачевскіе, — въ сущности тоже только жуки, — сойдутъ за здоровое и питательное кушанье, хотя они по уши увязли въ болотѣ размашистаго и самодовлѣющаго обскурантизма. Темныя тѣни этихъ мнимыхъ кризисовъ, — созданіе грубѣйшаго невѣжества и добровольнаго самоослѣпленія, — заслоняютъ послѣднія крохи сознанія въ тѣхъ буйныхъ передовыхъ умахъ, которые набиваютъ себѣ голову вѣтромъ, чтобы вызвать бурю въ городахъ и селахъ. Быть глупымъ, явно глупымъ, безъ всякихъ масокъ и прикрытій, въ мирное и спокойное время какъ-то неловко и даже зазорно. Но кризисъ все прикрываетъ. Подъ искусственно-созданнымъ возбужденіемъ тревоги и страха, всякая нелѣпость пройдетъ. Испуганные и растревоженные умы—плохіе критики, плохіе цѣнители и судьи.

Тотъ, кто подъ видомъ философіи и науки, сѣетъ тревогу въ мелководныхъ умахъ, грубѣйшими софизмами искажаетъ историческія перспективы и затемняетъ самыя простыя и именно поэтому основныя понятія,—тотъ знаетъ, что дѣлаетъ. Распатанные до дна, молодые и молодящіеся умы въ явной бездарности усмотрятъ силу

тенія, въ самомъ площадномъ невѣжествѣ—оригинальность великаго ума, въ безпомощной распущенности мысли — проявленіе великой свободы духа,—свободы отъ логики, конечно. Этимъ и объясняется чрезмѣрное обиліе популярныхъ и даже вліятельныхъ малограмотныхъ бездарностей въ наши дни. Чѣмъ кто глупѣе и озорнѣе скажетъ, тѣмъ больше получитъ шансовъ прослыть властителемъ думъ и учителемъ жизни.

„Мы переживаемъ завершительный періодъ исторіи", — весело покрикиваютъ наши мистики. Послѣ насъ—ау! Ничего не будетъ. Начинаются полусерьезные, полулукавые толки объ антихристѣ и свѣтопреставленіи. Здѣсь Розановымъ вторятъ Тернавцевы, Минскіе, Мережковскіе и юродствующіе изъ духовенства. А передъ свѣтопреставленіемъ, само собою разумѣется, „все дозволено". Такъ сказать, на послѣдяхъ. Чего скромничать и церемониться? Вали во всю! Ново и соблазнительно въ великій постъ расплясаться, въ богословіе клубнички подпустить и подъ именемъ культа Мадонны почтить богиню вожделѣнія и распутства.

И эти мечты о „завершительности" нашего знанія, т. е. о томъ, что послѣ германо-романской культуры,—а близость ея конца чувствуется и у этихъ „теоретиковъ", ибо иначе объ антихристѣ они бы не заговорили,—ничего, ровно ничего не будетъ,—свойственны не только этимъ богословствующимъ безстыдникамъ, но и откровенно-языческимъ, до нельзя „мірскимъ" передовымъ умамъ, признаннымъ вождямъ учащейся и не учащейся, мыслящей и не мыслящей интеллигенціи.

Отъ созерцанія всѣхъ этихъ благоглупостей, отъ этой азартной игры въ какую-то новую и сокровенную мудрость, въ какую-то новую уродливую и безобразную красоту, въ какую-то новую безтолковую и безсмысленную правду,—отъ всѣхъ этихъ новыхъ путей и новыхъ словъ, обязательно и по необходимости глупыхъ,—иногда получается такое впечатлѣніе, будто бы Вавилонская башня только что разрушена и смѣшавшіеся языки разболтались во всю.

Но Вавилонская башня, пока что, стоитъ крѣпко. Не надо имѣть дара особой проницательности и прозорливости для того, чтобы видѣть, что въ основѣ всей этой разновидной вакханаліи лежитъ изступленная и ожесточенная до фанатизма вѣра въ единственность, нескончаемость и завершительность германо-романской культуры.

Въ эти уши, подъ эти черепа, въ это омраченное до безумія сознаніе никогда не проникнутъ простыя, спокойныя и мудрыя слова Хомякова, полныя неотразимой правды и убѣдительности.

„Не нуженъ бы былъ нынѣшній вѣкъ, если бы прежніе вѣка совершили весь подвигъ человѣческаго разума; не нужны бы были будущіе, если бы нынѣшній дошелъ до послѣдней цѣли. Каждый

вѣкъ имѣетъ свой, Богомъ данный ему трудъ,—и каждый исполняетъ его не безъ крайняго напряженія силъ, не безъ борьбы и страданій, вещественныхъ и душевныхъ. Но трудъ одного вѣка есть посѣвъ для будущаго, а не легка работа посѣва".

Это строгое, даже грозное слово не образумитъ, конечно, нашихъ интеллигентныхъ безстыдниковъ, которые сбираютъ жатву совсѣмъ съ другого посѣва.

„Всякая философія имѣетъ способность обращаться въ нѣчто похожее на вѣру или, лучше сказать, въ какой-то предразсудокъ, принятый на слово людьми, никогда не утруждавшими головы философскими построеніями".

Это слова И. В. Кирѣевскаго. Какова была западная философія или, вѣрнѣе, психологія, которая легла въ основу русскаго западничества, можно судить по вѣрѣ и по предразсудкамъ нашей текущей интеллигенціи.

XVIII.

Какъ противники, такъ и сторонники Данилевскаго говорятъ объ его *теоріи* культурно-историческихъ типовъ. Это злобная клевета или явное недоразумѣніе. Никакой теоріи у него нѣтъ. Теорія примѣнима только къ искусственной системѣ, а отнюдь не къ естественной. Въ теорію каждый вноситъ многое отъ себя, отъ своей личной ограниченности и отъ своего личнаго произвола. У Данилевскаго нѣтъ никакихъ насильственныхъ обобщеній; у него факты говорятъ за себя и говорятъ только то, что сказать могутъ. Данилевскій не охотникъ до тѣхъ допросныхъ и пыточныхъ рѣчей, какими пользуются западные теоретики, когда они хотятъ заставить факты говорить то, что имъ, проницательнымъ инквизиторамъ, угодно. Тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для положительнаго знанія, Данилевскій прямо и безъ всякихъ изворотовъ говоритъ, что этого мы не знаемъ.

Онъ не знаетъ, насколько старо или молодо человѣчество, сколько ему остается жить, къ чему оно стремится, что оно думаетъ, чего оно ждетъ. Конечно, съ точки зрѣнія нашей современной интеллигенціи это самое возмутительное, самое варварское невѣжество. У насъ любой „идейный" гимназистъ во всѣхъ мелочахъ и съ величайшею точностью знаетъ каждый пустякъ, который касается до всего человѣчества и непремѣнно всего. Онъ забылъ таблицу умноженія. Онъ готовъ вмѣстѣ съ орѳографическою подкоммиссіею совершенно упростить русскую азбуку, истребить букву ять и торжественно отречься отъ всякаго намека на грамотность. Онъ не знаетъ своего города, своей губерніи, своей страны, своего народа, не

знаетъ ни исторіи, ни географіи. Но онъ великолѣпно знаетъ человѣчество, знаетъ всѣ его вожделѣнія, прихоти и вкусы и говоритъ только отъ имени всего человѣчества. Можно сказать, что въ наше время, подъ просвѣщеннымъ вліяніемъ популярныхъ профессоровъ исторіи, передовыхъ публицистовъ и модныхъ беллетристовъ, человѣческій родъ всѣми и каждому набилъ оскомину. Даже въ уличныхъ газетахъ козырять человѣчествомъ считается признакомъ литературности слога.

Всякая глупость, какъ человѣкъ у Горькаго, звучитъ гордо, когда она провозглашается отъ имени человѣчества. Если бы человѣчество было дѣйствительно повинно въ той безтолковости и тупости, которую ему приписываютъ „идейные" простофили, Горькіе и Андреевы, Розановы и Аббадоны, Милюковы и Трачевскіе, его уже давно слѣдовало бы посадить въ сумасшедшій домъ. Можно сказать, что эти „властители думъ" ничего, рѣшительно ничего не знаютъ, но человѣчество знаютъ до тонкости.

Германо-романскимъ народамъ угодно было отожествить себя съ человѣчествомъ. Мы уже видѣли, какъ и по какимъ побужденіямъ это было сдѣлано. Часть съ апломбомъ заявила, что она проглотила и уже переварила цѣлое, и теперь сама за него отвѣчаетъ. Казалось бы, что этому можно было бы и не повѣрить. Казалось бы, что дѣло исключительнаго ротозѣйства повѣрить этому. Но у нашей интеллигенціи и небываемое бываетъ. Она повѣрила. Для нея человѣчество—только германо-романскіе народы. Для разнообразія въ слогѣ вмѣсто человѣчество иногда ставятъ: „лучшая часть нашей интеллигенціи" или „передовые умы нашего времени". Всѣ эти термины взаимно замѣнимы. Все это тузы козырной масти. Человѣку, мало знакомому съ нашею журналистикою и публицистикою, съ нашимъ марксизмомъ и съ нашимъ мистицизмомъ, можетъ показаться, что это клевета на нашихъ „передовыхъ умовъ", что сколько-нибудь здоровая голова не можетъ допустить такой дикой путаницы понятій, что тамъ нѣтъ ума, гдѣ проповѣдуется такая глупость. Но къ великому сожалѣнію, это именно такъ. „Человѣкъ" Горькаго и „Очерки по исторіи русской культуры" Милюкова—тому порукой. Европа или, что то же, человѣчество на русской литературной и публицистической сценѣ не присутствуетъ персонально, ее представляетъ „лучшая часть русской интеллигенціи". Ergo: человѣчество—Европа—лучшая часть интеллигенціи. Развѣ это не ясно и не убѣдительно? Какія еще нужны доказательства? Можно представить себѣ, что дѣлается въ головѣ, начиненной такими понятіями!

И вотъ въ тотъ вѣкъ, когда человѣчество у всѣхъ, такъ сказать, подъ рукою, чуть не въ карманѣ, для любой надобности, Данилевскій откровенно говоритъ, что онъ не знаетъ, къ чему стремится

человѣчество. Лучшая часть интеллигенціи будетъ, конечно, его презирать за такое невѣжество и такую отсталость. Но не у всѣхъ же погасла Божья искра въ головѣ. Пора одуматься и образумиться. Ложь и софизмы—только ложь и софизмы.

Найдутся люди, которые согласятся раздѣлить это „невѣжество" Данилевскаго,—найдутся люди, которые сознаются, что и они не знаютъ плановъ и намѣреній человѣчества. А это уже много. Человѣкъ, который сдѣлаетъ эту небольшую уступку, безъ всякихъ споровъ и колебаній приметъ всѣ выводы Данилевскаго.

Отмѣчу одну любопытную психологическую черту. До Данилевскаго никто въ Россіи не говорилъ о культурно-историческихъ типахъ, о возрастахъ или степеняхъ развитія этихъ типовъ, о положительныхъ и отрицательныхъ дѣятеляхъ исторіи, о народахъ безъ исторической жизни. Казалось бы, эти его выводы должны были производить впечатлѣніе исключительной новизны, поразительной оригинальности. Но—ни чуть не бывало. Мы это уже знали,—готовъ сказать каждый,—кто познакомится съ егозамѣчательною книгою. Все, что онъ говоритъ, правда,—да развѣ и можетъ быть иначе? Развѣ можетъ думать иначе каждый разумный и сознательный человѣкъ, когда онъ серьезно и строго отнесется къ этимъ серьезнымъ и строгимъ вопросамъ? То, что болтаютъ объ этомъ въ передовыхъ журналахъ и газетахъ, только игра ума, шалость фельетониста, обязаннаго потѣшать публику, дешевая забава дешевыхъ перьевъ. А если заводить разговоръ въ серьезъ, то, конечно, Данилевскій правъ.

Это сознаютъ даже противники Данилевскаго,—напримѣръ, Миглюковъ. Онъ говоритъ, что Данилевскій первый поставилъ ученіе славянофиловъ на научную почву. Что же это значитъ? Какой смыслъ должны имѣть эти слова? Только тотъ, что выводы и положенія Данилевскаго не теорія, а простая и всѣмъ доступная правда, обязательная для каждаго здороваго ума и для каждаго здороваго мышленія. Теорія начинается только тамъ, гдѣ произвольная и случайная мысль сходитъ съ строго фактической почвы, отъ которой Данилевскій ни на одинъ вершокъ не поднимаетъ своей ноги.

Европа—пятая часть свѣта. Вотъ это теорія, это надо доказывать.

Исторія *человѣчества* дѣлится на древнюю, среднюю и новую. Тоже теорія, тоже надо доказывать, хотя, конечно, ни ту, ни другую теорію доказать не легко, какъ нельзя дѣйствительно доказать все произвольное, т. е. тенденціозное въ мышленіи.

Но, когда Данилевскій говоритъ, что все живое и органическое умираетъ,—это не теорія, этого доказывать не надо. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть сходитъ на кладбище или развернетъ краткій учебникъ исторіи и потомъ хорошенько ощупаетъ свою го-

лову. Говоря откровенно, если прислушаться хорошенько къ нашей фривольной и двусмысленной научной терминологіи, иногда можно подумать, что греческимъ словомъ „теорія“ у насъ просто замѣняютъ старое и хорошее русское слово „враки“. Тамъ, гдѣ нѣтъ естественной классификаціи фактовъ и явленій, искусственная классификація имѣетъ большую цѣнность, а тамъ, гдѣ она есть, теорія, т. е. искусственная система, несомнѣнная глупость и несомнѣнный обскурантизмъ,—не больше.

Когда изъ-подъ груды безобразнаго софистическаго мусора и хлама извлекаютъ реальные факты въ ихъ простомъ и настоящемъ освѣщеніи, когда изъ непроходимой чащи научныхъ суевѣрій и предразсудковъ выносятъ ясную, какъ день, и простую, какъ жизнь, правду, всѣмъ начинаетъ казаться, что они эту правду знали давно, что они всегда думали тоже самое, только имъ говорить объ этомъ не приходилось, что это—не ново.

И конечно, не ново. Данилевскому удалось показать, чѣмъ держится и крѣпка историческая жизнь народовъ, чѣмъ держится и на чемъ стоитъ культура народовъ, въ чемъ спайка и устойчивость большихъ народныхъ группъ. Смутное предчувствіе этого должно было быть у каждаго степеннаго человѣка, который достаточно солиденъ, чтобы цѣликомъ не упорхнуть въ теорію для воробьинаго писку и визгу, и, когда это смутное предчувствіе облекаютъ въ строго-научную форму, онъ готовъ сказать: я такъ и думалъ.

Но просто сказать простую истину—по плечу только великому мастеру, человѣку исключительныхъ дарованій и огромнаго ума.

XIX.

Но выводы Данилевскаго идутъ дальше. Онъ подмѣтилъ и свелъ къ формуламъ общія черты жизни и развитія культурно-историческихъ типовъ. Эти обобщенія,—ихъ пять,—онъ назвалъ законами. Въ этомъ названіи, можетъ быть, есть легкій оттѣнокъ нѣмецкаго педантизма. Законъ имѣетъ значеніе не только для прошедшаго, но и для будущаго, охватывая всю сущность того или другого процесса и, по праву полнаго и всесторонняго знанія, деспотически опредѣляя дорогу дальнѣйшаго движенія. Законъ является тамъ, гдѣ не только исчерпана вся возможность понятій и представленій о предметѣ или процессѣ, но гдѣ для мысли исчерпана сама жизнь во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ. Историческая жизнь народовъ еще не закончилась. Подчинить ее опредѣленнымъ законамъ разъ и навсегда—было бы очень рискованно. Въ крайнемъ случаѣ, это все-же только эмпирическіе законы. Но это—споръ о терминѣ.

Мы дѣлаемъ это замѣчаніе только мимоходомъ и признаемъ и эти дальнѣйшіе его выводы во всемъ ихъ объемѣ.

„Вникнемъ теперь,—говоритъ Данилевскій,—нѣсколько ближе въ свойство и характеры различныхъ культурно-историческихъ типовъ. Не окажется-ли въ нихъ такихъ общихъ чертъ, такихъ обобщеній, которыя могли бы считаться законами культурно-историческаго движенія и которыя, будучи выводами изъ прошедшаго, могли бы служить нормою для будущаго? Если группировка историческихъ явленій по культурно-историческимъ типамъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ требованіямъ естественной системы, такія обобщенія непремѣнно должны, такъ сказать, сами собою оказаться. Они должны проистечь изъ самаго расположенія фактовъ, какъ только историческія явленія станутъ на подобающее имъ относительно другъ къ другу мѣсто, не будучи насильственно натягиваемы въ угоду какой-либо предвзятой идеѣ, изъ нихъ самихъ не вытекающей. Таковою мы считаемъ идею расположенія явленій всемірной исторіи по ступенямъ развитія, приведшую къ нераціональному дѣленію ея на древнюю, среднюю и новую,—три отдѣла, составляющіе будто бы эволюціонные факты развитія всего человѣчества, взятаго въ цѣломъ, при чемъ качественное различіе племенъ человѣческаго рода совершенно упускается изъ вида“.

Вотъ пять законовъ историческаго развитія по формуламъ Данилевскаго.

Законъ 1. Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій,—составляютъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно по своимъ духовнымъ задаткамъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества.

Законъ 2. Дабы цивилизація, свойственная культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью.

Законъ 3. Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другаго типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій.

Законъ 4. Цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнородные этнографическіе элементы, его составляющіе, — не будучи поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ,

пользуясь независимостью, составляютъ федерацію или политическую систему государствъ.

Законъ 5. Ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно-продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу.

Первый законъ представляетъ изъ себя только логическое опредѣленіе понятія о культурно-историческомъ типѣ. По поводу второго закона Данилевскій между прочимъ говоритъ: „Нѣтъ ни одной цивилизаціи, которая бы зародилась и развилась безъ политической самостоятельности, хотя, достигнувъ уже извѣстной силы, цивилизація можетъ еще нѣсколько времени продолжаться и послѣ потери самостоятельности, какъ видимъ на примѣрѣ грековъ. Явленіе это, изъ котораго нѣтъ ни одного исключенія въ исторіи, понятно, впрочемъ, и само по себѣ. Та же причина, которая препятствуетъ развитію личностей въ состояніи рабства, препятствуетъ и развитію народностей въ состояніи политической зависимости, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ индивидуальность, имѣющая свои самостоятельныя цѣли, обращается въ служебное орудіе, въ средство для достиженія чужихъ цѣлей. Если такія обстоятельства застигнутъ личность или народность въ раннемъ возрастѣ развитія, то, очевидно, что самобытность ихъ должна погибнуть“.

Гораздо большее значеніе для основной мысли Данилевскаго имѣютъ три послѣднихъ закона, особенно третій и пятый. Они, при окончательномъ рѣшеніи вопроса въ ту или другую сторону, разъ навсегда кладутъ конецъ тому спору, который больше полувѣка тянется между славянофилами и западниками. Здѣсь выводы и соображенія Данилевскаго особенно интересны и поучительны. Вопросъ, напомнимъ, въ томъ, передается или не передается цивилизація отъ народа къ народу?

XX.

III. „Исторія древнѣйшихъ культурно-историческихъ типовъ,— Египта, Китая, Индіи, Ирана, Ассиріи и Вавилона,—слишкомъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, чтобы можно было подвергнуть наше положеніе критикѣ самыхъ событій въ исторіи этихъ цивилизацій. Но сами результаты этой исторіи вполнѣ его подтверждаютъ. Невидно, чтобы у какого-нибудь народа не-египетскаго происхожденія принялась египетская культура. Индійская цивилизація ограничилась народами, которые говорили языками санскрит-

скаго корня. Къ древне-семитическому культурному типу принадлежали, правда, финикіяне и кароагеняне. Но первые были народомъ того-же корня съ вавилонянами, а послѣдніе—колоніей финикіянъ. Цивилизація же Карѳагена не передалась нумидянамъ и другимъ аборигенамъ Африки. Китайская цивилизація распространена между китайцами и японцами,—первоначально, вѣроятно, переселенцами изъ Китая-же. Евреи не передали своей культуры ни одному изъ окружавшихъ ихъ или одновременно жившихъ съ ними народовъ.

„Съ Греціей вступаемъ въ область болѣе извѣстную. Греція, столь богатая своей цивилизаціей, была, однако же, слишкомъ бѣдна политической силой, чтобы думать о распространеніи эллинизма между другими народами, пока македоняне,—народъ эллинскаго же происхожденія или эллинизированный еще въ ранній этнографическій періодъ своей жизни,—не приняли отъ нея цивилизаціи и не сообщили ей политической силы. Представитель эллинизма, Александръ, взялся не только покорить востокъ, но и распространить въ немъ греческую цивилизацію, которая, по господствующимъ теперь теоріямъ должна была считаться общечеловѣческою, въ четвертомъ вѣкѣ до Рождества Христова. За эту возвышенно-гуманитарную цѣль александровыхъ завоеваній, ему прощаются его завоевательные замыслы и онъ принимаетъ въ глазахъ исторіи размѣры героя человѣчества. На дѣлѣ-же эти цивилизаторскіе замыслы оказались гораздо неосуществимѣе его завоеваній“.

Въ пароянахъ и скиѳахъ былъ возстановленъ послѣ Александра культурный типъ Ирана.

„Въ западныхъ областяхъ, по сю сторону Евфрата, повидимому, лучше принялась греческая культура. Въ Сиріи, Малой Азіи царствовали цари греческаго происхожденія; дворъ, столица и большіе города приняли греческіе обычаи и моды; греческимъ архитекторамъ, скульпторамъ, рѣзчикамъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ и т. п. открылось выгодное поприще дѣятельности и выгодный сбытъ для ихъ произведеній, какъ въ наше время французскимъ модисткамъ въ Россіи. Всего лучше пошло дѣло въ Египтѣ. Въ Александріи образовались библіотеки, музеи, академіи, процвѣла философія и положительная наука. Но кто были философы, кто ученые, на какомъ языкѣ писали они? Все—природные греки и все—по-гречески. Собственно Египту отъ всего этого было, что называется ни тепло, ни холодно. Ученая Александрія была греческою колоніею. Птоломеи щедрою рукою покровительствовали греческимъ ученымъ, доставляли имъ всѣ средства для полезной дѣятельности—и греки стекались сюда со всѣхъ сторонъ. При обильныхъ вспомогательныхъ средствахъ, результаты ихъ дѣятельности вышли, вѣроятно, гораздо плодотворнѣе, нежели могли быть въ томъ случаѣ, если бы греки

остались при своихъ частныхъ средствахъ, каждый въ своемъ городкѣ, во время смутъ, раздиравшихъ падавшую и разлагавшуюся Грецію. И нельзя не поблагодарить Птоломеевъ за ту просвѣщенную щедрость, которая принесла большую пользу греческой наукѣ. Но греческая цивилизація нисколько не передалась Египту, какъ и вообще востоку. И теперь англичане завели очень много весьма дѣятельныхъ и полезныхъ ученыхъ обществъ въ Калькуттѣ, но еще нисколько не передали Индіи европейской цивилизаціи. Передать цивилизацію какому-либо народу, очевидно, значитъ заставить этотъ народъ до того усвоить себѣ всѣ культурные элементы (религіозные, бытовые, соціальные, политическіе, научные и художественные), чтобы онъ совершенно проникнулся ими и могъ продолжать въ духѣ передавшаго ихъ съ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, успѣхомъ, — такъ чтобы хотя отчасти стать въ уровень съ передавшимъ его соперникомъ и вмѣстѣ продолжателемъ его направленія".

Къ Египту греческая цивилизація не привилась совсѣмъ, къ Риму привилась отчасти, осталась на поверхности римской жизни, охватила, какъ мода, только высшіе круги общества, въ глубь не проникла и все-же принесла значительный вредъ римской самобытности и культурѣ. Надо прибавить къ этому и то, что греки, учителя римлянъ, являлись къ нимъ чаще всего въ положеніи рабовъ или почти рабовъ, что не могло не оказать своего воздѣйствія на свойства, сущность и формы ихъ вліянія.

„Сами римляне, покоривъ, какъ обыкновенно говорится, міръ,— правильнѣе же, бассейнъ Средиземнаго моря и европейское прибрежье Атлантическаго океана, — насильственно передавали свою цивилизацію покореннымъ народамъ. Но имъ это удалось не лучше ихъ предшественниковъ. Они уничтожили зачатки самобытной культуры тамъ, гдѣ она была (какъ напримѣръ, въ друидической Галліи), на мѣсто ихъ завели города, какъ бы колоніи римской жизни и римскаго быта,—но нигдѣ не возбудили цивилизаціи, которая, сложившись изъ народныхъ элементовъ (галльскихъ, иберійскихъ, иллирійскихъ, нумидійскихъ и другихъ), имѣя своимъ органомъ національный языкъ, приняла бы римскую форму и римскій духъ. Все вѣковое господство Рима и распространеніе римской цивилизаціи имѣли своимъ результатомъ только подавленіе ростковъ самобытнаго развитія. Всѣ немногіе ученые, художники, писатели, которые родились и жили не на національной римской почвѣ, были, однако же, или потомки римскихъ колонистовъ, или облатинившіеся туземцы изъ высшихъ классовъ общества (подобно нашей ополячившейся интеллигенціи западнаго края), которые не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на массу своихъ соотечественниковъ".

„Такой результатъ можетъ быть приписываемъ тому, что римская культура передавалась не путемъ свободнаго сообщенія благъ цивилизаціи, а путемъ насильственнаго покоренія, уничтожавшимъ вмѣстѣ съ политическою независимостью и всякую національную самодѣятельность. Въ этомъ есть, безъ сомнѣнія, доля правды, но далеко, однако же, не вся правда".

Готы, разрушившіе римскую имперію, были даровитымъ, способнымъ къ цивилизаціи народомъ. Ихъ императоръ Теодорихъ былъ однимъ изъ мудрѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ государей въ исторіи. Онъ пожелалъ слить побѣдителей съ побѣжденными и привить къ первымъ римскую цивилизацію.

„Что-же оказалось? Готы, находясь въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ къ цивилизаціи Рима, не могли развивать своихъ національныхъ началъ, будучи подавлены ея блескомъ, а усвоить себѣ чуждыя—также не усвоили,—и вмѣстѣ съ своею народностью потеряли свою силу. Еще около трехъ столѣтій продолжалъ сгущаться мракъ варварства въ Европѣ, чтобы подъ тѣнью его успѣли окрѣпнуть своеобразныя начала вновь возникающаго культурно-историческаго типа и чтобы типъ этотъ могъ безконечно пользоваться плодами исчезнувшей цивилизаціи, которыя изъ дали прошлаго не могли уже дѣйствовать съ такою силою соблазна, какъ при непосредственномъ прикосновеніи. Видно, великій законодатель еврейскаго народа лучше Теодориха понималъ законы историческаго движенія, когда заповѣдалъ своему народу, грубому и необразованному, но хранившему въ себѣ залогъ самобытнаго развитія, не вступать въ тѣсныя сношенія съ окружавшими его народами (стоявшими на высшей точкѣ культуры), дабы вмѣстѣ съ заимствованіемъ обычаевъ и нравовъ не потерять своей самобытности. Примѣръ готовъ прекрасно показываетъ, что начала, лежащія въ основѣ одного культурно-историческаго типа (которыя при самобытномъ развитіи могутъ принести самобытные плоды), могутъ быть искажены, уничтожены, но не могутъ быть замѣнены другими началами,—иначе, какъ съ уничтоженіемъ самаго народа, т. е. съ обращеніемъ его изъ самостоятельнаго историческаго дѣятеля въ этнографическій матеріалъ, имѣющій войти въ составъ новой образующейся народности".

XXI.

Данилевскій всегда и вездѣ говоритъ только о томъ, что было, а не о томъ, что могло бы быть и что будетъ. Вездѣ и всегда онъ отказывается отъ догадокъ, предположеній и тѣхъ величавыхъ гипотезъ, которыя, обольщая мысль гордыми призраками, скрываютъ

правду жизни. На этихъ блестящихъ страницахъ посвященныхъ вопросу о мнимой преемственности культуры во всемъ ея составѣ и во всей ея полнотѣ, за него говоритъ исторія, тѣмъ нелживымъ языкомъ, который понятенъ и доступенъ каждому, у кого уши не забиты комьями ваты отвлеченныхъ доктринъ и теорій. Такъ *было*. Отсюда надо полагать, что такъ и *будетъ*. Если же кто-нибудь возьметъ на себя утверждать, что будетъ не такъ, а по другому, его дѣло серьезно и убѣдительно доказать, почему именно исторія измѣнила законы своего развитія и какія новыя таинственныя силы вмѣшались въ жизнь, чтобы отвести ее съ ея обычнаго русла. А такихъ новыхъ силъ нѣтъ,—есть только праздныя и свободныя отъ ума мечты.

Но „неужели-же историческая дѣятельность, результаты, достигнутые жизнью одного культурно-историческаго типа, остаются безплодными для всѣхъ остальныхъ, ему современныхъ или послѣдующихъ типовъ? Неужели типы эти должны оставаться столь же чуждыми одинъ другому, какъ, напримѣръ, Китай для остальнаго міра. Конечно, нѣтъ. Выше уже было замѣчено, что преемственные культурно-историческіе типы имѣютъ преимущество передъ уединенными. Какимъ же образомъ происходитъ это преемство? Вся исторія доказываетъ, что цивилизація не передается отъ одного культурно-историческаго типа другому. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они оставались безъ всякаго взаимнаго воздѣйствія другъ на друга,—только это воздѣйствіе не есть передача и способы, которыми распространяется эта цивилизація, надо себѣ точнѣе уяснить.

1) „Самый простѣйшій способъ этого распространенія есть пересадка съ одного мѣста на другое посредствомъ колонизаціи. Такимъ образомъ финикіяне передали свою цивилизацію Карѳагену, греки южной Италіи и Сициліи, англичане Сѣверной Америкѣ и Австраліи. Если бы гдѣ-либо и когда-либо существовала общечеловѣческая цивилизація, то, очевидно, должно было бы желать въ ея интересахъ, чтобы этотъ способъ распространенія былъ повсемѣстно употребленъ, т. е. чтобы другихъ народовъ, кромѣ выработавшихъ эту общечеловѣческую цивилизацію, вовсе не было,—точно такъ, какъ, напримѣръ, въ интересахъ земледѣлія весьма было бы желательно, чтобы никакихъ сорныхъ травъ на свѣтѣ не было. И, пожалуй, какъ позволительно земледѣльцу всѣми мѣрами ихъ уничтожать, такъ позволительно было бы распространителямъ единой общечеловѣческой цивилизаціи уничтожать прочіе народы, служащіе болѣе или менѣе тому препятствіемъ. Ибо, безъ сомнѣнія, тѣ, которые выработали цивилизацію въ наичистѣйшемъ видѣ, способны и сохранить и распространить ее по лицу земли, что было бы самымъ прямѣйшимъ, легчайшимъ и дѣйствительнѣйшимъ методомъ осуществленія

прогресса. Если же такой методъ, не разъ впрочемъ, съ успѣхомъ употребленный въ Америкѣ и другихъ мѣстахъ, показался бы слишкомъ радикальнымъ, то, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы народы и государства, не принадлежащіе къ общечеловѣческому культурному типу, лишать силы противодѣйствія, т. е. политической самобытности (хотя бы то было посредствомъ пушекъ или опіума,—какъ говорится не мытьемъ, такъ катаньемъ), дабы обратить ихъ современемъ въ подчиненный, служащій для высшихъ цѣлей этнографическій элементъ, мягкій, какъ воскъ и глина, принимающій безъ сопротивленія всѣ формы, которыя ему заблагоразсудятъ дать".

Этотъ глубоко-безнравственный, циничный до полнаго безстыдства, достойный дикарей и разбойниковъ способъ навязыванія своихъ мнѣній другимъ—иллюстрируются многими и яркими примѣрами изъ исторіи Западной Европы, а не представляетъ плодъ слишкомъ смѣлаго воображенія. Народы стираются съ лица земли только потому, что будто бы найдена единая общечеловѣческая культура и поэтому мнимо-низшее должно очистить мѣсто для мнимо-высшаго.

2. „Другая форма распространенія цивилизаціи есть прививка—и обыкновенно это и разумѣютъ подъ передачею цивилизаціи. Но, къ сожалѣнію, прививку разумѣютъ здѣсь въ таинственномъ, мистическомъ смыслѣ, приписываемомъ этой операціи людьми, незнакомыми ни съ физіологическою теоріею, ни съ садоводною практикою,—въ томъ смыслѣ, по которому привитый глазокъ или прищепленный черенокъ обращаетъ дичокъ въ благородное плодовитое дерево,—или даже яблоню въ грушу, сливу, абрикосъ и обратно. Но въ этомъ таинственномъ, такъ сказать, волшебномъ смыслѣ, прививки нѣтъ ни между растеніями, ни между культурно-историческими типами, какъ тому представлено было довольно примѣровъ. Почка, вставленная въ разрѣзъ древесной коры, или черенокъ, прикрѣпленный къ свѣжему срѣзу ствола, нисколько не измѣняютъ характера растенія, къ которому привиты. Дичокъ остается попрежнему дичкомъ, яблонь яблонью, груша грушей. Привитая почка или черенокъ также сохраняютъ свою природу, только почерпаютъ нужные имъ для роста и развитія соки черезъ посредство того растенія, къ которому привиты, и перерабатываютъ ихъ сообразно своему специфическому формаціонному или образовательному началу. Дичокъ же обращается въ средство, въ служебное орудіе для лелѣемаго черенка или глазка, составляющихъ какъ бы искусственное чужеядное растеніе, въ пользу котораго продолжаютъ отрѣзывать вѣтви, идущія отъ самаго ствола и корня, чтобы онѣ его не заглушали. Вотъ истинный смыслъ прививки. Такимъ точно греческимъ черенкомъ или глазкомъ была Александрія на египетскомъ деревѣ, такъ же

точно привилъ Цезарь римскую культуру къ кельтскому корню,—съ большою ли пользою для Египта и для кельтскаго племени,—предоставляю судить читателямъ. Надо быть глубоко-убѣжденнымъ въ негодности самаго дерева, чтобы рѣшиться на подобную операцію, обращающую его въ средство для чужой цѣли, лишающую его возможности приносить цвѣты и плоды sui generis. Надо быть твердо увѣреннымъ, что изъ этихъ цвѣтовъ и плодовъ ничего хорошаго выйти не можетъ. Какъ бы то ни было, прививка не приноситъ пользы тому, къ чему прививается,—ни въ физіологическомъ, ни въ культурно-историческомъ смыслѣ".

Этотъ именно способъ прививки цивилизаціи былъ примѣненъ и нынѣ примѣняется и къ Россіи. На русскій народъ смотрятъ, какъ на грубый, ни на что негодный лѣсной пень и отрѣзываютъ его самородные побѣги, чтобы дать интеллигенціи возможность распуститься, хотя и чужеяднымъ, но пышнымъ и махровымъ цвѣткомъ. Только эта интеллигенція цвѣтовъ и плодовъ не даетъ, а расползается по истощенному и корявому пню гнилой и ядовитой плѣсенью.

3. „Есть еще способъ воздѣйствія цивилизаціи на цивилизацію. Это тотъ способъ, которымъ Египетъ и Финикія дѣйствовали на Грецію, Греція на Римъ (насколько это послѣднее дѣйствіе было полезно и плодотворно), Римъ и Греція на романо-германскую Европу. Это есть дѣйствіе, которое мы уподобимъ вліянію почвеннаго удобренія на растительный организмъ, или, что то же самое, вліяніе улучшеннаго питанія на организмъ животный. За организмомъ оставляется его специфическая образовательная дѣятельность, только матеріалъ, изъ котораго онъ долженъ возводить свое органическое зданіе, доставляется въ большемъ количествѣ и въ улучшенномъ качествѣ,—и результаты выходятъ великолѣпные, при томъ результаты своего рода, вносящіе разнообразіе въ область всечеловѣческаго развитія, и не составляющіе безполезнаго повторенія стараго, какъ это неминуемо должно произойти тамъ, гдѣ одинъ культурно-историческій типъ приносится въ жертву другому посредствомъ прививки, требующей къ тому же для своего успѣха частаго обрѣзыванія вѣтвей, все продолжающихъ рости изъ первобытнаго ствола, несмотря на прививку. Только при такомъ свободномъ отношеніи народовъ одного типа къ результатамъ дѣятельности другого, когда первый сохраняетъ свое политическое и общественное устройство, свой бытъ и нравы, свои религіозныя вѣрованія, свой складъ мысли и чувства, какъ единственно ему свойственные,—однимъ словомъ, сохраняетъ всю свою самобытность,—можетъ быть истинно плодотворно воздѣйствіе завершенной или болѣе развитой цивилизаціи на вновь возникающую. Подъ такими условіями народы иного культурнаго

типа могутъ и должны знакомиться съ результатами чужого опыта, принимая и прикладывая къ себѣ изъ него то, что, такъ сказать, стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, техническіе пріемы и усовершенствованія искусствъ и промышленности. Все же остальное, особенно же относящееся до познанія человѣка и общества, а особенно для практическаго примѣненія этого познанія, вовсе не можетъ быть предметомъ заимствованія, и можетъ быть только принимаемо къ свѣдѣнію,—какъ одинъ изъ элементовъ сравненія,—по одной уже той причинѣ, что при разрѣшеніи этого рода задачъ чуждая цивилизація не могла имѣть въ виду чуждыхъ ей общественныхъ началъ и что, слѣдовательно, рѣшеніе ихъ было только частное, только ее одну болѣе или менѣе удовлетворяющее, а не общепримѣнимое".

Несомнѣнно, что только этотъ послѣдній способъ культурнаго вліянія и можетъ быть признанъ здоровымъ, нормальнымъ явленіемъ исторической жизни. Два первые—это человѣконенавистническія, гнусныя, омерзительныя преступленія, за которыя караютъ Богъ и исторія.

XXII.

IV. Чѣмъ разнообразнѣе и независимѣе составные элементы культурно-историческаго типа, т. е. народности, его составляющія, тѣмъ богаче, полнѣе и разнообразнѣе формы цивилизаціи этого объединеннаго состава народностей. Особымъ богатствомъ формъ и проявленій поражаетъ цивилизація въ античной Греціи и современной Европѣ.

„Одной изъ причинъ такой полноты и богатства нельзя не видѣть между прочимъ и въ томъ обстоятельствѣ, что міры эти состоятъ изъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ политическихъ единицъ, изъ которыхъ каждая, при общемъ характерѣ, свойственномъ вообще греческому и европейскому типамъ, могла свободно развивать и свои особенности, заключавшіяся въ тѣхъ политическихъ подраздѣленіяхъ, на которыя разбились эти міры и которыя болѣе или менѣе соотвѣтствовали для греческаго типа племенамъ дорическому, іоническому и эолійскому, а для европейскаго—племенамъ англосаксонскому, верхне-германскому (получившему преобладаніе въ самой Германіи) нижне-германскому (достигшему самобытнаго развитія въ Голландіи), норманскому или скандинавскому, а также племенамъ французскому, итальянскому и испанскому, происшедшимъ изъ разложившихся элементовъ римскаго и кельтскаго, измѣненныхъ подъ вліяніемъ германскаго начала. Всѣ прочіе культурно-историческіе типы были лишены такого оживляющаго разно-

образія и оказались несравненно бѣднѣе въ своихъ результатахъ. Изъ этого мы въ правѣ, кажется, заключить, что такое разнообразіе состава есть одно изъ условій полноты жизни и развитія культурно-историческихъ типовъ. Хотя разнообразіе это не можетъ быть, конечно, искусственно создаваемо тамъ, гдѣ нѣтъ для него этнографической основы,—оно, безъ сомнѣнія, необходимо для правильнаго развитія культурно-историческаго типа тамъ, гдѣ онъ имѣетъ по природѣ своей этотъ сложный характеръ. Однако, политическое раздробленіе въ средѣ одного и того же культурно-историческаго типа имѣетъ вредную сторону, состоящую въ томъ, что оно лишаетъ его политической силы, а, слѣдовательно, и возможности успѣшнаго противодѣйствія внѣшнему насилію. Примѣръ этотъ также представляетъ Греція, въ которой не только всякій мелкій этнографическій оттѣнокъ, но часто даже совершенно случайныя обстоятельства служили основаніемъ для образованія самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Это давало возможность выказаться вполнѣ всякой особенности направленія, но за то были причиною кратковременности независимой политической жизни Греціи, такъ что она должна была доканчивать свое развитіе подъ чужимъ игомъ.

„Политическая система Европы въ этомъ отношеніи несравненно лучше устроилась, потому что соединяетъ условія, требуемыя разнообразіемъ и силою. Только въ двухъ подчиненныхъ группахъ, въ Италіи и Германіи, это политическое дробленіе далеко переходило за нужные предѣлы и вредныя слѣдствія этого не замедлили оказаться не только, на политической силѣ, но и на самой культурѣ этихъ странъ. Не только болѣе другихъ они были лишены гражданской и политической свободы, но даже самое развитіе литературы и науки, сначала ускоренное благопріятными обстоятельствами, было задержано въ этихъ странахъ именно вслѣдствіе этой политической слабости и происходящихъ оттого смутъ, такъ что только съ половины прошедшаго столѣтія началось сильное и самобытное развитіе въ Германіи. Нерѣдко случается слышать, что такая политическая раздробленность служила въ Германіи гарантіей свободнаго развитія науки и литературы. Но позволительно, кажется мнѣ, думать, что, если бы нѣмецкій народъ составлялъ одно великое политическое цѣлое, то онъ не нуждался бы въ такихъ жалкихъ гарантіяхъ“.

Простые и несомнѣнные историческіе факты, не испорченные искусственною произвольною тенденціею, въ изложеніи Данилевскаго становятся уроками высокой политической мудрости,—но, конечно, не уроками той алчной, лукавой, безстыдной и въ концѣ концовъ безумной политики, которая добивается временнаго и непрочнаго торжества одной какой-либо части въ ущербъ цѣлому. Здѣсь муд-

рость вполнѣ мирится съ справедливостью и разумъ справляетъ свои побѣды не за счетъ угнетенія нравственнаго чувства. Здѣсь лучшая заслуга состоитъ именно въ томъ, что понятіе о народѣ и народности онъ не подчинилъ прямо и непосредственно слишкомъ общему и именно поэтому малосодержательному понятію о человѣчествѣ вообще, какъ это дѣлаютъ не въ мѣру торопливые и опрометчивые метафизики и софисты, западничествующіе на русскій счетъ, но осторожно и съ полнымъ разумѣніемъ дѣла подвелъ его подъ менѣе общее, но за то болѣе содержательное понятіе культурно-историческаго типа, этой послѣдней инстанціи въ области философіи исторіи и обществовѣдѣнія.

Гдѣ же черта, которая опредѣляетъ право народности на политическую самостоятельность отъ ея обязанности подчиниться болѣе общимъ интересамъ цѣлаго ради единства, стройности, выдержанности и законченности основной идеи, представляемой въ данной группѣ народовъ и народностей?

„Черта эта, кажется мнѣ,—говоритъ Данилевскій,—проведена весьма ясно самою природою. Народъ, говорящій языкомъ, коего отдѣльныя нарѣчія и говоры столь близки между собою, что въ практической жизни, общественной, торговой, политической, не представляютъ затрудненія къ взаимному пониманію, долженъ составлять и одно политическое цѣлое. Такъ, народъ русскій, несмотря на различіе въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ,—или народъ нѣмецкій, несмотря на болѣе сильное различіе въ нарѣчіяхъ верхне и нижне-нѣмецкомъ,—должны составлять самостоятельныя однородныя политическія цѣлыя, называемыя государствами. Напротивъ того, для цѣлыхъ народовъ, говорящихъ на отдѣльныхъ языкахъ, принадлежащихъ къ одному лингвистическому семейству, соотвѣтствующему самобытному культурно-историческому типу, должна предпочитаться сліянію въ одно государственное цѣлое, лишающее культурную жизнь разнообразія,—менѣе тѣсная связь, которая, смотря по обстоятельствамъ, требующимъ болѣе или менѣе тѣснаго съ ними соединенія, можетъ проявляться или въ видѣ правильной федераціи, или даже въ видѣ только политической системы (какова, напримѣръ, европейская, основанная на случайныхъ трактатахъ, частое повтореніе которыхъ, вслѣдствіе мѣстныхъ сношеній, образовало родъ обычнаго международнаго права).

„Такая система, можетъ имѣть значеніе только для народовъ одного и того же культурно-историческаго типа, и лишь искусственно,—и не иначе, какъ къ общему вреду,—можетъ распространяться далѣе предѣловъ того же типа, ибо общественная связь требуетъ, какъ необходимаго своего условія, подчиненія частныхъ интересовъ (личныхъ, общественныхъ, областныхъ, даже государственныхъ) болѣе

общимъ интересамъ высшей группы, и, слѣдовательно, если связь переходитъ за границу культурно-историческаго типа, высшей исторической единицы, то лишаетъ его должной самостоятельности въ достиженіи его цѣлей.

„Противъ этого нельзя возразить, что самъ культурно-историческій типъ есть понятіе, подчиненное по отношенію къ человѣчеству и, слѣдовательно, долженъ подчинять свои интересы и стремленія общимъ интересамъ человѣчества. Человѣчество не представляетъ собою чего-либо дѣйствительно конституированнаго, сознательно идущаго къ какой-либо опредѣленной цѣли,—а есть только отвлеченіе отъ понятія о правахъ отдѣльнаго человѣка, распространенное на всѣхъ ему подобныхъ. Потому все, что говорится объ обязанностяхъ въ отношеніи къ человѣчеству, приводится собственно къ обязанностямъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ, къ какому бы роду или племени они ни принадлежали. Между тѣмъ, какъ независимо отъ этихъ обязанностей существуютъ особыя обязанности не только къ государству, но и къ той высшей единицѣ, которую мы называемъ культурно-историческимъ типомъ. Такъ, грекъ имѣлъ обязанности не только къ республикамъ аѳинской, спартанской, ѳивской, въ которыхъ онъ состоялъ гражданиномъ, но и къ цѣлой Греціи".

„Слово „европейскій интересъ" не есть простое слово для француза, нѣмца или англичанина, а имѣетъ смыслъ, каждому изъ нихъ понятный, независимо отъ интересовъ Англіи, Германіи или Франціи, которые, будучи здраво поняты, не могутъ и противорѣчить болѣе общимъ интересамъ Европы. Это, однако же, совершенно извращается, если нарушены истинныя границы культурно-историческаго типа".

Эта мысль Данилевскаго заслуживаетъ особаго вниманія. Это не теорія и не догадка, а непререкаемая правда, простое констатированіе факта, что высшая историческая единица, дѣйствительно извѣстная людямъ и наукѣ, есть культурно-историческій типъ, а вовсе не человѣчество, отвлеченная фикція, создавшаяся не на исторической, а на метафизической почвѣ. Человѣчества, всего человѣчества, конечно, никто и никогда и въ глаза не видалъ, никакого съ нимъ дѣла не имѣлъ, да и имѣть не могъ, никакихъ свѣдѣній объ его планахъ и намѣреніяхъ не имѣлъ и имѣть не могъ. У человѣчества еще нѣтъ своей исторіи. Есть исторія только нѣкоторыхъ изъ его племенъ и народовъ и никогда ни въ чемъ оно не было заинтересовано все цѣликомъ въ одинаковой мѣрѣ и въ одномъ стремленіи. Одно можно сказать про него съ полною опредѣленностью и достовѣрностью: оно—все—хочетъ жить и насильственною смертью ради какихъ-то доктринъ и теорій умирать не хочетъ. И въ этомъ

его неоспоримое право, хотя и завсеватели, и культуртрегеры за нимъ этого права не признаютъ, ибо возвышенно и благородно низшее приносить въ жертву высшему, причемъ высшее—всегда мы, а низшее, по послѣднему слову всякой науки,—они, не мы, чужіе.

А каждый культурно-историческій типъ — несомнѣнный историческій фактъ, строго опредѣленный, существующій не только въ теоріи и для теоріи, но полный жизни и жизненнаго содержанія. Подчинить этотъ очевидный и неоспоримый фактъ безтѣлесной мечтѣ, схоластическому принципу, послѣднему изъ возможныхъ метафизическихъ обобщеній, именно поэтому чуждому всякаго реальнаго содержанія,—явная нелѣпость, лишенная логической убѣдительности и обязательности, по существу противная основнымъ законамъ здороваго мышленія. Это актъ не логики, а психологіи и, конечно, психологіи очень своеобразной. Онъ можетъ возникнуть только на почвѣ преступнаго стремленія къ историческому разложенію того или другого изъ существующихъ уже культурно-историческихъ типовъ, т. е. является прозрачною маскою предательства и измѣны.

„Что же такое интересъ человѣчества?—спрашиваетъ Данилевскій.—Кѣмъ сознается онъ, кромѣ одного Бога, Которому, слѣдовательно, только и принадлежитъ веденіе его дѣлъ? Безъ сомнѣнія, въ интересахъ человѣчества лежало, чтобы Римъ былъ разрушенъ и на мѣстѣ его цивилизаціи временно воцарилось варварство. Но, конечно, ни одинъ римлянинъ и ни одинъ германецъ не зналъ и не могъ знать, что этого требовалъ интересъ человѣчества. Каждый же, — если не понималъ, то, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ, чего требуетъ интересъ того племени, къ которому онъ принадлежалъ. Не могло ли даже казаться, что интересы человѣчества требовали, чтобы германцы спокойно оставались въ своихъ лѣсахъ и не тревожили своими нападеніями вмѣстилища тогдашней всемірной цивилизаціи и тогдашняго прогресса? Нечего сказать, большую услугу оказалъ бы человѣчеству какой-нибудь древне-германскій мудрецъ или вождь, который, будучи убѣжденъ въ этой гуманитарной мысли, имѣлъ бы достаточно вліянія, дабы убѣдить своихъ соотечественниковъ въ такомъ сообразномъ съ интересами человѣчества образѣ дѣйствій. Но, съ другой стороны, сознаніе той пользы для человѣчества, которая имѣла произойти отъ нашествія тѣхъ варваровъ (если бы это сознаніе было даже возможно), конечно, не только не могло обязывать римскаго гражданина содѣйствовать такому вожделѣнному для человѣчества событію, но не могло бы даже оправдывать его отъ обвиненія въ измѣнѣ за дѣятельность, въ эту сторону направленную. Такимъ образомъ, если та группа, которой мы придаемъ названіе культурно-историческаго типа, и не есть абсолютно-высшая, то она, во всякомъ случаѣ, высшая изъ всѣхъ тѣхъ, инте-

ресы которыхъ могутъ быть сознательными для человѣка, и составляетъ, слѣдовательно, послѣдній предѣлъ, до котораго можно и должно простираться подчиненіе низшихъ интересовъ высшимъ, пожертвованіе частныхъ цѣлей общимъ".

Эти геніальные, при всей ихъ простотѣ и несложности, выводы Данилевскаго до дна озаряютъ всѣ психологическія бездны текущей логики и текущей научности, гнилое зерно чудовищныхъ и глубокобезнравственныхъ понятій о прогрессѣ и культурѣ, народности и человѣчествѣ. Безъ этихъ поясненій изломы и зигзаги текущей интеллигентной мысли были бы совершенно необъяснимы. Нашимъ интеллигентнымъ мудрецамъ и законодателямъ кажется, что по мудрости и всевѣдѣнію они уже боги и могутъ замѣнить Бога въ управленіи судьбами міра, такъ какъ имъ досконально извѣстны всѣ дѣла внѣшней и внутренной политики человѣчества. Но эта напускная божественность скрываетъ очень земныя и очень реальныя цѣли, такъ что при должномъ вниманіи становится понятнымъ, ради чего текущая псевдо-логика то свертываетъ, то развертываетъ свои силлогизмы, какъ заяцъ, боящійся преслѣдованія, старается запутать свои слѣды на снѣгу.

Есть еще одинъ—и послѣдній—софизмъ псевдо-логики, особенно увертливый и скользкій по этому жизненному и существенному вопросу. Жизнь пошла совсѣмъ по другому. Исторія перемѣнила всѣ свои законы и пошла по совершенно новому пути. „Народы древняго міра развивались будто бы отдѣльно одинъ отъ другого,—а напротивъ того, связь между народами новаго міра такъ тѣсна, что невозможно отдѣлить исторію одного народа отъ исторіи другого. Конечно, связь исторіи германо-романскаго типа весьма тѣсна, но тѣсна потому, что это собственно исторія одного цѣлаго и такую же точно тѣсную связь представляетъ исторія государствъ Греціи. Какъ никто не думаетъ объ отдѣльной исторіи Аѳинъ или Спарты, такъ точно нечего бы говорить объ отдѣльной исторіи Франціи, Италіи или Германіи. Такой исторіи, собственно говоря, на дѣлѣ и нѣтъ вовсе, а есть только исторія Европы съ французской, итальянской или нѣмецкой точки зрѣнія, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на событія каждой изъ этихъ странъ. Какъ скоро же мы выйдемъ изъ границъ культурнаго типа,—будетъ ли то въ древнія или новыя времена,—то общая исторія разныхъ типовъ становится въ обоихъ случаяхъ одинаково невозможною безъ самыхъ странныхъ натяжекъ, состоящихъ въ дѣленіи на періоды, при которыхъ событія одного типа совершенно произвольнымъ образомъ разрываются сообразно съ ходомъ происшествій въ другомъ.

„Какъ въ древнемъ мірѣ исторія Греціи и исторія Персіи, напримѣръ, остаются совершенно отдѣльными, за исключеніемъ внѣш-

нихъ войнъ, приводившихъ ихъ временно въ чисто внѣшнее соприкосновеніе,—такъ же точно и въ новомъ времени исторія Россіи или исторія магометанскаго востока имѣетъ въ сущности только временныя, случайныя точки соприкосновенія съ исторіей Европы. И всякое стараніе связать историческую жизнь Россіи внутреннею органическою связью съ жизнью Европы—постоянно вело лишь къ пожертвованію самыми существенными интересами Россіи. Можно только сказать, что въ новыя времена, вслѣдствіе улучшеній въ мореплаваніи и вообще въ средствахъ сообщенія, сношенія между разными народами сдѣлались чаще, но не стали отъ этого нисколько тѣснѣе. Китай и Индія — все такой же, чуждый Европѣ міръ, каковымъ онъ былъ для Греціи и Рима, хотя теперь между ними и безпрестанно снуютъ корабли, тогда какъ прежде разъ въ годъ совершался обмѣнъ между произведеніями бассейна Средиземнаго моря и юга Азіи, черезъ Александрію".

Въ наши дни войны съ японцами, когда „нейтралитетъ" Англіи и Американскихъ Штатовъ имѣетъ такую опредѣленную окраску, легче всего оцѣнить эту мысль о тѣсной исторической и родственной связи между всѣми народами Европы, между міромъ романо-германскимъ и міромъ русско-славянскимъ. Вѣтеръ военной непогоды далеко угналъ эти красивыя, но лживыя и лицемѣрныя фразы о братствѣ европейскихъ народовъ, какъ холодный осенній вѣтеръ уноситъ по пустымъ полямъ изсохшіе и уже загнивающіе листья когда-то зеленаго и наряднаго лѣса. Опытъ учитъ,—особенно историческій опытъ.

XXIII.

V. „Періодъ цивилизаціи каждаго типа сравнительно очень коротокъ, истощаетъ силы его и вторично не возвращается. Подъ періодомъ цивилизаціи разумѣю я время, въ теченіе котораго народы, составляющіе типы,—вышедъ изъ безсознательной, чисто этнографической формы быта (что собственно должно бы соотвѣтствовать такъ называемой древней исторіи),—создавъ, укрѣпивъ и оградивъ свое внѣшнее существованіе, какъ самобытныхъ политическихъ единицъ (что собственно составляетъ содержаніе всякой средней исторіи), — проявляютъ преимущественно свою духовную дѣятельность во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, для которыхъ есть залоги въ ихъ духовной природѣ, не только въ отношеніи науки и искусства, но и въ практическомъ осуществленіи своихъ идеаловъ правды, свободы, общественнаго благоустройства и личнаго благосостоянія. Передъ тѣмъ временемъ, когда изсякаетъ творческая дѣятельность въ народахъ извѣстнаго типа, они или останавливаются на достигну-

тыхъ ими, считая завѣты старины вѣчнымъ идеаломъ для будущаго, и дряхлѣютъ въ *апатіи самодовольства* (какъ, напримѣръ, Китай),—или достигаютъ до неразрѣшимыхъ съ ихъ точки зрѣнія антиномій, противорѣчій, доказывающихъ, что ихъ идеалъ (какъ, впрочемъ, и все человѣческое), былъ неполонъ, одностороненъ, ошибоченъ, или что неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства отклонили его развитіе отъ прямого пути. Въ этомъ случаѣ наступаетъ разочарованіе и народы впадаютъ въ *апатію отчаянія*. Такъ было въ римскомъ мірѣ во время распространенія христіанства".

Періодъ цивилизаціи, вѣка цвѣтенія—проходятъ сравнительно быстро. Подготовительный этнографическій періодъ тянется неопредѣленно долго.

„Въ этотъ-то длинный подготовительный періодъ, измѣряемый тысячелѣтіями, собирается запасъ силъ для будущей сознательной дѣятельности, закладываются тѣ особенности въ складѣ ума, чувства и воли, которыя составляютъ всю оригинальность племени, налагаютъ на него печать особаго типа общечеловѣческаго развитія и даютъ ему способность къ самобытной дѣятельности,—безъ чего племя было бы общимъ мѣстомъ, безполезнымъ, лишнимъ, напраснымъ историческимъ плеоназмомъ въ ряду другихъ племенъ человѣческихъ. Эти племенныя особенности, какова бы ни была ихъ первоначальная причина, выражаются въ языкѣ (вырабатывающемся въ этотъ длинный періодъ времени) ,въ миѳическомъ міровоззрѣніи, въ эпическихъ преданіяхъ, въ основныхъ формахъ быта, т. е. въ отношеніяхъ—какъ ко внѣшней природѣ, источнику матеріальнаго существованія, такъ и къ себѣ подобнымъ. Если бы въ племени не выработалось особенно-психологическаго строя, то какимъ бы образомъ могли произойти столь существенныя различія въ логическомъ построеніи языковъ?"

„Если этнографическій періодъ есть время собиранія, время заготовленія запаса для будущей дѣятельности, то періодъ цивилизаціи есть время растраты,—растраты полезной, благотворной, составляющей цѣль самаго собиранія, но все-таки растраты. И, какъ бы ни былъ богатъ запасъ силъ, онъ не можетъ, наконецъ, не оскудѣть и не истощиться,—тѣмъ болѣе, что во время возбужденной дѣятельности, порождающей цивилизацію и порождаемой ею, живется скоро. Каждая особенность въ направленіи, образовавшаяся въ теченіе этнографическаго періода, проявляясь въ періодъ цивилизаціи, должна непремѣнно достигнуть своего предѣла, далѣе котораго идти уже нельзя или по крайней мѣрѣ, такого, откуда дальнѣйшее поступательное движеніе становится уже медленнымъ и ограничивается одними частными пріобрѣтеніями и усовершенствованіями. Тогда происходитъ застой въ жизни, прогрессъ останавли-

вается, ибо безконечное развитіе, безконечный прогрессъ въ одномъ и томъ же направленіи (и еще болѣе—во всѣхъ направленіяхъ разомъ) есть очевидная невозможность. Какимъ въ самомъ дѣлѣ образомъ возможно, чтобы существо ограниченное, какъ человѣкъ, могло безконечно резвиваться и совершенствоваться, не измѣняясь въ то же время въ своей природѣ, т. е. не переставъ наконецъ быть человѣкомъ? Я знаю, что тѣмъ, которые думаютъ, будто бы подобное происшествіе изъ тысячи и одной ночи или овидіевыхъ метаморфозъ уже случилось разъ съ обезьянами (которыя, не выдержавъ натиска прогресса, превратились въ людей) и будто бы въ концѣ концовъ человѣкъ не что иное, какъ усовершенствованная губка или инфузорія, — не покажется страннымъ, что и форма человѣка, сдѣлавшись слишкомъ тѣсною для прогресса, превратится по щучьему велѣнью, еще во что-нибудь болѣе совершенное. Но могу вывести изъ этого только то заключеніе, что ложное основаніе, къ чему бы его ни примѣнили (къ исторіи или къ зоологіи), приведетъ къ ложнымъ выводамъ и что къ числу самыхъ высочайшихъ нелѣпостей, когда-либо приходившихъ въ человѣческую голову, принадлежитъ и мысль о безконечномъ развитіи и безконечномъ прогрессѣ.

„Никто не скажетъ, чтобы голова Кювье была лучше устроена, чѣмъ голова Аристотеля,—чтобы умъ Лапласа былъ проницательнѣе ума Архимеда, — чтобы Кантъ мыслилъ лучше Платона, — чтобы Фридрихъ и Наполеонъ имѣли болѣе быстрый военный взглядъ, болѣе глубокія тактическія и стратегическія соображенія, чѣмъ Ганнибалъ и Цезарь. Еще менѣе скажетъ кто-нибудь, чтобы пониманіе красоты было выше у Кановы и Торвальдсена, чѣмъ у Фидія и Праксителя. Но несомнѣнно, что масса научнаго матеріала, сложность отношеній въ мирѣ и войнѣ безмѣрно увеличились, такъ что выполненіе задачи ученаго, полководца, государственнаго мужа,—стоитъ гораздо болѣе времени и труда теперь, чѣмъ прежде. Зато Аристотель могъ съ успѣхомъ заниматься зоологіей, ботаникой, физикой, логикой, метафизикой, политикой, теоріей изящныхъ искусствъ, а Кювье—только зоологіей. Но и эта наука, стала теперь слишкомъ сложна, чтобы возможно было обнять всѣ ея отрасли одному человѣку. Поэтому,—по мѣрѣ того, какъ съуживается кругозоръ ученыхъ,—открытія должны принимать все болѣе и болѣе характеръ частностей. Этому стараются пособить раздѣленіемъ труда и систематическимъ соединеніемъ усилій отдѣльныхъ лицъ, посредствомъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ, конгрессовъ и т. п. Но это искусственное объединеніе, вполнѣ удовлетворительное для фабрики и имѣющее свою пользу и въ научномъ отношеніи, не можетъ однако, замѣнить собою естественнаго сосредоточенія разностороннихъ матеріаловъ въ умѣ одного человѣка. Такимъ образомъ усложненіе,

нераздѣльное съ совершенствованіемъ, кладетъ необходимый предѣлъ существенному прогрессу въ той области человѣческаго вѣдѣнія (или вообще человѣческой дѣятельности), на которую въ теченіе долгаго времени было обращено вниманіе,—въ томъ направленіи, на которое преимущественно обращали вниманіе. Дабы поступательное движеніе вообще не прекратилось въ жизни всего человѣчества, необходимо, чтобы, дойдя въ одномъ направленіи до извѣстной степени совершенства, началось оно съ новой точки исхода и шло по одному пути, т. е. надо, чтобы вступили на поприще дѣятельности другія психическія особенности, другой складъ ума, чувствъ и воли, которыми обладаютъ только народы другого культурно-историческаго типа.

„Прогрессъ, какъ мы сказали выше, состоитъ не въ томъ, чтобы идти въ одномъ направленіи (въ такомъ случаѣ онъ скоро бы прекратился), а въ томъ чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, во всѣхъ направленіяхъ. Поэтому ни одна цивилизація не можетъ гордиться тѣмъ, чтобъ она представляла высшую точку развитія, въ сравненіи съ ея предшественницами или современницами,—во всѣхъ сторонахъ развитія. Такъ, въ отношеніи идеи красоты—греческій міръ дошелъ, можно сказать, до крайняго предѣла совершенства— и новая европейская цивилизація не произвела ничего такого, что бы могло не только затмить, но даже сравняться съ плодами греческаго пластическаго искусства, которое поэтому изучается наравнѣ съ природою, какъ самое полное и лучшее ея истолкованіе".

„Система гражданскаго права, выработанная римскою жизнью, составляетъ до сихъ поръ недосягаемый образецъ. Не имѣетъ также ничего подобнаго себѣ величіе политическаго зданія, созданнаго небольшимъ римскимъ народомъ, который, жертвуя всѣмъ носимому имъ идеалу въ душѣ вѣчнаго государства, умѣлъ привить духъ свой столькимъ чуждымъ народностямъ, заставить ихъ поклоняться его идолу и даже признать его идола своимъ. Съ Римомъ часто сравниваютъ въ этомъ отношеніи Англію, но ничто не можетъ быть не справедливѣе такого сравненія. Англія даже собственныя свои колоніи, населенныя англійскимъ же народомъ, не умѣла заставить раздѣлять чувства ея государственнаго величія, а ужъ о прививкѣ этого чувства другимъ народностямъ и говорить нечего. Я говорю это вовсе не въ укоръ ей. Какъ достоинства, такъ и недостатки Англіи— совершенно инаго рода. Скорѣе за Франціей можно признать этотъ римскій духъ, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. А желаніе вполнѣ ему подражать въ большихъ (какъ во времена Карла Великаго, такъ и во времена Людовика XIV и Наполеона) произвело опять таки однѣ каррикатуры, окончившіяся совершеннымъ фіаско".

Между первобытнымъ этнографическимъ періодомъ и періодомъ цивилизаціи „лежитъ тотъ промежутокъ времени, въ который народы приготовляютъ, такъ сказать, мѣсто для своей дѣятельности, строятъ государство и ограждаютъ свою политическую независимость, безъ которой, какъ мы видѣли, цивилизація ни начаться, ни развиться, ни укрѣпиться не можетъ. Переходъ, какъ изъ этнографическаго состоянія въ государственное, такъ и изъ государственнаго въ цивилизованное или культурное, обусловливается толчкомъ или рядомъ толчковъ внѣшнихъ событій, возбуждающихъ и поддерживающихъ дѣятельность народа въ извѣстномъ направленіи“.

„Конечно, нельзя ожидать, чтобы это совершалось правильнымъ образомъ по извѣстной схемѣ. Явленія перепутываются, осложняются. Часто явленія одного и того же порядка раздѣляются длинными промежутками времени и дополняютъ другъ друга, а явленія одного періода продолжаютъ дѣйствовать въ другомъ. Даже не всѣ культурные типы успѣваютъ переходить вполнѣ всѣ фазисы этого развитія,—потому ли, что разрушаются внѣшними бурями, или потому, что самый запасъ собранныхъ ими силъ былъ недостаточенъ,—что полученное направленіе слишкомъ односторонне для полнаго развитія“.

XXIV.

Выводы Данилевскаго просты и ясны для всего русскаго мышленія, неизломаннаго и неисковерканнаго по моднымъ фасонамъ и образцамъ. Они какъ бы выхвачены изъ заповѣдныхъ тайниковъ русскаго самосознанія, изъ нѣдръ тѣхъ полусознательныхъ и безсознательныхъ инстинктовъ, которые вѣками слагались и зрѣли въ психическомъ строѣ русскаго народа. Стоило имъ только воплотиться въ словѣ, чтобы ихъ принудительная и обязательная сила, отозвалась, какъ извѣчная правда, въ каждой русской совѣсти.

Быть можетъ, кое-гдѣ мысль Данилевскаго вылилась нѣсколько въ изысканой и вычурной формѣ, быть можетъ, самое имя „культурно-историческихъ типовъ“ современемъ будетъ замѣнено другимъ, болѣе русскимъ, болѣе простымъ и мѣткимъ. Но для русской мысли и для русской философіи вырвано у завистливой судьбы огромное поприще, на которомъ передъ нею открывается возможность строиться по своему вкусу и по своему смыслу. Свѣжестью, молодостью и силой вѣетъ бодрящій утренній вѣтерокъ. Въ лучахъ молодой зари, какъ туманы, таютъ суевѣрія и предразсудки западной философіи, западной психологіи и западной совѣсти. Все озаряется свѣтомъ, все становится на своемъ мѣстѣ. Передъ умственнымъ взоромъ открывается необозримый просторъ великой благородной и честной дѣя-

тельности другимъ не на гибель и себѣ не въ обиду, безъ истребленія племенъ и народовъ, безъ подлаго и безчеловѣчнаго искорененія негровъ, австралійцевъ и краснокожихъ, безъ экономическаго истощенія индусовъ и феллаховъ, безъ инквизиціоннаго застѣнка и революціонной гильотины, безъ торговли опіумомъ и предательскаго обмана японцевъ. Это поприще—не поприще умной и разсчетливой лжи, кровавой и жестокой игры дипломатовъ. Здѣсь нѣтъ мѣста для сознательной и безсознательной подлости въ международныхъ и племенныхъ дѣлахъ. На мѣсто преступнаго, безчестнаго и безчеловѣчнаго девиза запада: дави и жми другихъ, чтобы жить самому,—ставится новый, благороднѣйшій и справедливѣйшій девизъ, еще ни разу не испробованный въ міровой исторіи: живи самъ и давай другимъ жить.

Почему же эти выводы не стали общимъ достояніемъ всего образованнаго русскаго общества, если они, хотя въ формѣ полусознательнаго инстинкта, являются общимъ достояніемъ всего русскаго народа? Почему они не легли въ основу огромной части русской беллетристики и публицистики, ставшей на защиту прямо противоположныхъ началъ и обобщеній?

Отвѣтъ ясенъ и простъ: холопство передъ западомъ омрачило умъ и совѣсть. Такъ и должно было быть. Этого требовала логика жизни и положенпыхъ въ ея основу западныхъ инстинктовъ.

Умомъ, чувствомъ и волей русская интеллигенція оторвалась отъ русскаго народа. Она измѣнила родной вѣрѣ, чтобы принять суевѣрія и предразсудки если не прямыхъ противниковъ русскаго народа, то во всякомъ случаѣ его постоянныхъ недруговъ. Но, передавшись противной сторонѣ, она продолжала жить на счетъ народа. Неизбѣжно, помимо воли и сознанія, по неудержимому логическому смыслу этого явленія, съ интеллигентной совѣсти должно было проснуться темное и смутное сознаніе своей чужеядности, своего паразитизма. И, конечно, этой логической ошибкѣ предшествовала порча родной психологіи на чужой ладъ, — на ладъ той псевдо-логики и псевдо-научности, которыя сложились на почвѣ ненависти къ русскому народу и прирожденной насильственности характера.

Усвоеніе этой чуждой и враждебной народу психологіи, сжигало за нею корабли, отрѣзывало ей дорогу назадъ, хотя и не могло заглушить чуть слышнаго голоса, напоминающаго о чужеядности и дармоѣдствѣ. Всѣми софизмами, всѣми изворотами лукавой діалектики надо было заглушить этотъ обвиняющій голосъ и оправдать свое, неоправдываемое умомъ и совѣстью, положеніе. Съ этого и для этого началась вся работа,—сперва робко и потихоньку, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Скоро это стало единственною психологическою пружиною гибкой и скользкой интеллигентной мысли и діалектики.

Создавались самыя причудливыя, чуть не чудовищныя системы и доктрины, подрывались основы точныхъ понятій, опредѣленныхъ сужденій и здраваго смысла. Интеллигентная логика, что называется, изъ кожи лѣзла, чтобы оправдать новую интеллигентную психологію. Нужно было прославить, возвеличить и обожествить героизмъ и героевъ предательства и измѣны,—а это было нужно по самой сущности, по самому смыслу возникновенія и существованія интеллигенціи, „иноязычной въ языцѣ своемъ". Она сдѣлала и это, сдѣлала въ стихахъ и въ прозѣ.

Безъ тусклаго и апатичнаго сознанія этого паразитизма непонятна и необъяснима почти вся исторія русской интеллигенціи и значительная часть исторіи русской литературы,—непонятны размашистые и прямолинейные „птенцы гнѣзда Петрова", услужливые сподвижники Бирона, вольтерьянцы и мартинисты екатерининской эпохи, непонятны мистики и либералы начала XX вѣка, непонятны Чаадаевы и Герцены, непонятны первые основоположники теоретическаго западничества—Грановскій и Бѣлинскій, непонятны теоретики слѣдующаго нигилистическаго поколѣнія—Чернышевскій и Писаревъ, непонятны Шелгуновы и Михайловскіе, непонятны Горькій и Розановъ, непонятны декаденты и оргіасты, непонятны леонидо-андреевщина и милюковщина.

Развѣ случайно наши поэты стали воспѣвать (а наша интеллигенція ихъ похваливать) Каина и Іуду Искаріота, Немврода и Герострата, Мазепу и Конрада Валленрода? Развѣ тутъ нѣтъ ощутительнаго и прозрачнаго сродства душъ, психологической однотонности? Развѣ этотъ отверженный и проклинаемый героизмъ нашелъ бы себѣ гдѣ-нибудь поклонниковъ, если бы въ отвѣтъ ему не вторили созвучныя струны интеллигентной совѣсти? А сверхъ-человѣки и особенно сверхъ-босяки? Развѣ это не обожествленные пророки дармоѣдства и паразитизма? Развѣ пресловутый девизъ Горькаго: „человѣкъ—это звучитъ гордо"—не равняется въ его изложеніи девизу: „паразитъ—это звучитъ гордо"? Наша интеллигенція, которая на словахъ стоитъ горою за трудящіяся массы во всей Европѣ, во всемъ нашемъ полушаріи, въ обоихъ полушаріяхъ, на всей нашей планетѣ, наконецъ, во всей вселенной и внѣ ея, въ сущности хлопочетъ только объ одномъ, — хочетъ оправдать только свою праздность, свою непристроенность и свой паразитизмъ.

Вотъ тѣ силы, которыя противодѣйствуютъ распространенію въ русскомъ обществѣ всякой умной и честной мысли, которыя, уже по своему бродяжническому и босяческому характеру, могутъ искать себѣ притона и ночлежки только въ дремучихъ дебряхъ самаго непроницаемаго обскурантизма. И, надо сознаться, что въ настоящее время это могучія, пока неодолимыя силы. Безуміе на почвѣ лег-

жости нрава соблазнительно и заразительно. Нравственные недочеты личной и общественной жизни даютъ непобѣдимую силу теоретической распущенности и халатности. Грубое невѣжество, соблазнительное подъ облыжною кличкою послѣдняго слова науки, изъ боязни переутомленія, тщится создать изъ себя и возвеличить „новую породу людей“, мудрыхъ безъ знанія и науки, святыхъ безъ подвига, рыцарей безъ пятна и упрека въ грязи люпанаровъ и отбросовъ леонидо-андреевской проституціи.

И это „вожди“, „учителя жизни“ и „властители думъ“ нашего поколѣнія! Почему же идетъ за ними наше интеллигентное стадо? Неужели только на соблазнъ порочности и вожделѣнной для всякаго паразитизма безтолковщины? Отчасти, конечно, и на эту удочку, по отчасти просто по легковѣрію и несобразительности. Не имѣя строго опредѣленныхъ понятій и на незыблемой основѣ поставленныхъ сужденій, оно привыкло вѣрить словамъ и въ простодушной наивности вѣритъ, что оно, безтолковое стадо, дѣйствительно представляетъ изъ себя новую породу людей, что оно вышло на просторъ міроваго служенія, гдѣ все дозволено, что оно несетъ всему человѣчеству, всему до послѣдняго человѣка, нескончаемое счастье, что оно призвано не только возродить, но и переродить человѣчество. Этимъ оно хочетъ заплатить человѣчеству съ процентомъ свой неоплатный долгъ русскому народу, который оно истощало и истощаетъ своимъ дармоѣдствомъ. Эти безпечные и безпечальные „идеалисты“,—какъ ихъ принято называть, безмѣрно вѣрятъ въ себя, въ свои позы и въ свои фразы и даже убѣждены, что *любятъ* русскій народъ, любятъ культурный и облагороженной любовью, что они единственные искренніе и истинные друзья народа, приносящіе ему общечеловѣческіе, т. е., конечно, германо-романскіе дары. Но контрольный аппаратъ исторической логики дѣйствуетъ безошибочно и ясно свидѣтельствуетъ, что ихъ вѣрованія и убѣжденія, т. е. суевѣрія и предразсудки, вышли изъ мастерской запада, гдѣ они были выкованы изъ вѣковой и непримиримой ненависти къ русскому народу, изъ тѣхъ хищническихъ инстинктовъ, которые германо-романскіе народы изъ своего неласковаго сердца перенесли въ свои умныя книги. Если они любятъ русскій народъ, какъ любитъ его западъ, то это значитъ, что они хотятъ убить въ этомъ народѣ его живую душу, осквернить и испакостить живые источники его творческой силы, опозорить его исторію, съузить и придавить его будущее и превратить его во вьючный скотъ для западной промышленности и торговли, если уже нельзя совсѣмъ стереть его съ лица земли. Если это любовь, то что же называется ненавистью?

Это какое-то дѣйствительно исключительное и почти не бывалое явленіе. Въ исторіи трудно найти что-нибудь аналогичное. Не

объясняется ли это тѣмъ, что въ исторіи не было примѣра такой смѣлой и широкой попытки задушить—такъ сказать, внутренними средствами—культурно-историческій типъ, достигшій уже такой опредѣленности и рельефности, какъ русскій? Это было бы новой и очень своеобразной страничкой въ насильственной и деспотической *теоріи* культуры.

Если русскому народу суждено когда-нибудь освободиться отъ этой секретной болѣзни, отъ этого злокачественнаго карбункула, съ ужасомъ и негодованіемъ будутъ читаться историческія страницы, посвященныя нашимъ днямъ. Но надежды на скорое выздоровленіе мало. Повидимому, еще не всѣ формы возможной глупости и нелѣпости исчерпаны и одѣты въ тряпье послѣдняго слова науки,—еще не всѣ виды половой извращенности провозглашены новыми путями,—не всѣ отрицательные дѣятели въ общественной области увѣнчаны лавровыми вѣнками поэзіи и прозы,—все еще ждутъ своей исторической очереди многочисленные, еще неиспользованные прохвосты и хулиганы. А безуміе и распутство часто принимаютъ эпидемическій, почти повальный характеръ.

XXV.

Мы собрали рядъ фактовъ и отмѣтили рядъ выводовъ съ цѣлью установить и опредѣлить насильственный и деспотическій характеръ германо-романской логики и психологіи. Приведенные нами факты и выводы, по нашему глубокому убѣжденію, очень краснорѣчивы. Но подводить итоги еще рано. Германо-романскій темпераментъ съ не меньшею, если не съ большею рельефностью сказался въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ,—тоже съ перваго взгляда чисто теоретическихъ, или,—какъ иногда говорятъ, отмѣчая объективность и безпристрастіе мысли,—академическихъ. Только тогда, когда „научность“ въ постановкѣ и рѣшеніи этихъ вопросовъ обнаружитъ свою психологическую подкладку, можно будетъ дать общій планъ картины и сдѣлать надежные и обоснованные выводы.

Н. М. Соколовъ.

